

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 Августа.

СОДЕРЖАНІЕ. По поводу проекта нормальнаго контракта.— Опытъ театральной рецензіи. *Б. Гусева*.— В. Гете. *Вл. Л-скаю*. — Хроника театра и искусства.— Милостивый государь, *И. И. Передовой*. *В. Д.*— Артистическая колонія (продолженіе). *Н. Николаева*. — За границей. — Провинціальная льтопись. — Объявленія.

№ 34.

Рисунки: «Фаустъ» (Прологъ въ театрѣ) — Силуэтъ Гете. Группа артистовъ театра «Общедоступныя развлеченія»—«Самая лучшая роль» *Юса Большого* (8 рис.)

Портреты: Гете, Гуэрреро.

Продолжается подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЬ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Театральныя справочно-статистическія
Бюро Русскаго Театральнаго Общества:

Въ Москвѣ — Тверская ул., уг. Сытинскаго пер., д. Арбатскаго; открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 4 часовъ.

Въ С.-Петербургѣ—Караванная ул., д. № 9, кв. 6; открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 5 часовъ.

С.-Петербургъ, 22 августа.

Разосланный Русскимъ Театральнымъ Обществомъ «проектъ нормальныхъ контракта, сценическаго устава (правилъ), общихъ принциповъ организации театральныхъ товариществъ и договора товарищества», выработанный первымъ всероссійскимъ Съездомъ русскихъ сценическихъ дѣятелей, представляя несомнѣнно весьма почтенный и дѣльный трудъ, въ то же время вызываетъ цѣлый рядъ замѣчаній, основной причиной которыхъ въ большинствѣ случаевъ является неправильная постановка вопроса и шаткость основныхъ положеній въ связи съ непослѣдовательностью ихъ проведенія.

Уже § 1 вызываетъ недоумѣніе и заставляетъ пожалѣть о томъ, что къ проекту не приложены ма-

териалы, труды и мотивировки выработавшей проектъ комиссіи. «Предприниматель составляетъ репертуаръ и распределяетъ роли совмѣстно съ режиссеромъ, а въ оперѣ и опереткѣ—совмѣстно съ режиссеромъ и капельмейстеромъ»,—гласитъ этотъ параграфъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понимать этотъ параграфъ? Что это—пожеланіе или обязательное постановленіе? Повидимому—послѣднее, такъ какъ далѣе § 17 гласитъ слѣдующее: «предприниматель долженъ имѣть въ составѣ труппы особаго режиссера, обязанности котораго ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть совмѣстимы съ обязанностями предпринимателя; въ случаѣ же, если предприниматель, принадлежа къ актерамъ, самъ пожелаетъ быть режиссеромъ, то онъ обязанъ имѣть для хозяйственнаго веденія дѣла особое уполномоченное лицо». Почему же предприниматель не можетъ совмѣщать обязанности режиссера и обратно, въ особенности въ маленькомъ, со скромнымъ бюджетомъ дѣлѣ? Почему режиссеръ долженъ непременно принадлежать къ актерамъ? Вопросы эти остаются открытыми.

До тѣхъ поръ пока театры не перейдутъ въ руки правительственныхъ или общественныхъ учреждений, каждое театральное дѣло въ значительной мѣрѣ будетъ предпріятіемъ коммерческимъ. Закрывать на это глаза, стыдливо бояться произнести это слово, ставящее точку на і,—не слѣдуетъ. Коммерческое дѣло, помимо опытности, знанія, удачи, дерзости и двигается еще и силой инициативы. Инициатива же по существу своему есть нѣчто *единоличное* и противоположна обыкновенно двойственности или вообще коллегіальности. Коллегіальность имѣетъ свое значеніе лишь для порядка, такъ сказать, охранительнаго. И вотъ, этотъ важный факторъ коммерческой стороны театральнаго дѣла—инициатива §§ 1 и 17 почти совершенно устраняется.

Роль предпринимателя - неактера, подчинившагося смыслу §§ 1 и 17, отчасти даже курьезна. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ рисовался комиссиі, начертавшей эти два §§, такой предприниматель? Если это меценатъ, человѣкъ безкорыстно желающій послужить искусству, во имя тѣхъ или иныхъ соображеній, — то тогда онъ, очевидно, затѣваетъ предпріятіе не для того, чтобы быть безучастнымъ зрителемъ, а для того, чтобы вліять въ желательномъ для себя смыслѣ и направлять дѣло, согласно со своими намѣреніями. Тѣмъ паче человѣкъ, который добросовѣстно, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, служить родному или любимому дѣлу съ тѣмъ, чтобы существовать за счетъ этого дѣла.

Тогда какъ же? Во имя чего онъ положитъ послѣднія деньги въ дѣло, въ которомъ будетъ всѣмъ, чѣмъ хотите, но только не хозяиномъ, а въ сущности послѣдней спицей въ колесницѣ?! Для того, чтобы получить званіе антрепренера? Такъ вѣдь это не генеральскій чинъ. Имѣетъ человѣкъ тысячку-другую, въ театральномъ дѣлѣ попаторѣлъ, любить его, знаетъ толкъ въ актерахъ. Беретъ онъ режиссера, который является «полновластнымъ хозяиномъ сцены»; режиссеръ, конечно, обыкновенный, рутинный, ибо гдѣ же они эти необыкновенные и нерутинные? Начинаютъ составлять репертуаръ. Я, говоритъ предприниматель, хочу поставить вотъ такія-то и такія-то пьесы. Нѣтъ, возражаетъ режиссеръ, — не эти пьесы, а такія-то. Сталн распредѣлять роли — онять разногласіе съ режиссеромъ и т. д. Если идти дальше по логическому пути §§ 1 и 17 проекта, то является необходимымъ учредить строго патентованныхъ режиссеровъ, «отъ администраціи» что-ли, вродѣ уполномоченныхъ отъ правительства въ субсидируемыхъ банкахъ. Будущая корпорація несомнѣнно выработаетъ извѣстный цензъ для антрепренера, обставитъ полученіе разрѣшенія на открытіе театра извѣстными матеріальными, правственными и образовательными условіями. При этихъ условіяхъ предпринимателю, очевидно, должна быть отнущена необходимая доля инициативы или самостоятельности, ибо, въ противномъ случаѣ для чего же предприниматель, вообще? Такихъ предпринимателей, которые ограничатся ролью пассивнаго зрителя, наблюдающаго за тѣмъ, какъ расходуются его деньги, разумѣется, не найдется.

Итакъ, уже на первыхъ порахъ мы сталкиваемся съ доктринерствомъ безпочвенной мысли. Создается какой-то отвлеченный «храмъ Разума», которому поклоняются реформаторы, быть можетъ, вполне искренно, со страстью новообращенныхъ, но совершенно миоическій и потому долженствующій остаться мертвой буквой. Это — обычный спутникъ эпохи реформъ, какой является настоящее время для театральнаго міра. Но нѣтъ необходимости повторять ошибки и сознательно впадать въ безсодержательную идеологию.

Отъ редакціи.

Приступая къ составленію третьяго выпуска «Словаря сценическихъ дѣятелей», редакція покорнѣе проситъ дѣятелей, фамиліи коихъ начинаются съ буквы „В“, послѣдить присылкой біографическаго о себѣ матеріала.

Опытъ театральной рецензіи *).

I.

Въ прошломъ году мнѣ пришлось присутствовать на открытіи одного народнаго театра и не довелось при этомъ сказать рѣчь, составленную отъ лица всѣхъ потрудившихся надъ созданиемъ этого новаго театра. По нѣкоторымъ причинамъ, оказалось невозможнымъ отслужить въ стѣнахъ только-что отстроеннаго театральнаго зданія благодарственное молебствіе, и мы всѣ, до глубины души огорченные, безмолвно разошлись по домамъ. Я позволяю себѣ привести выдержку изъ этой неудавшейся рѣчи, надѣясь этимъ сдѣлать выразительнѣе изложеніе послѣдующаго.

„Съ развитіемъ въ Россіи земскихъ учрежденій, въ нашемъ общественномъ сознаниі впервые возникъ вопросъ о поднятіи народнаго образованія. Но въ настоящее время вопросъ этотъ широко разработанъ, и настало время его практическаго разрѣшенія. Ни для кого не тайна, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ экономическаго упадка Россіи, причина голодовокъ, повальныхъ эпидемій, холерныхъ бунтовъ, нелѣпыхъ взрывовъ фанатизма — полное невѣжество народныхъ массъ. Можно считать аксіомой то мнѣніе, что развитіе всеобщаго благосостоянія идетъ рука объ руку съ развитіемъ народнаго просвѣщенія.

„До сихъ поръ источниками борьбы съ властью тьмы у насъ были одиѣ школы; но этого оказалось мало, и на помощь имъ является народный театръ.

„Русскій народъ, при всей его малокультурности, имѣетъ за собой извѣстный историческій путь, свою литературу — у него имѣются свое міровоззрѣніе и потребность его выразить, потребность узнать, наконецъ, свои права и дѣйствительныя обязанности къ окружающему. Жизнь ставитъ ему, какъ и всѣмъ намъ, свои серьезные вопросы и требуетъ немедленнаго ихъ разрѣшенія. Можетъ ли помочь ему въ этомъ та элементарная школа, которая находится въ его распоряженіи? Если и можетъ, то очень мало. Школа научитъ читать, писать съ грѣхомъ пополамъ, да еще, пожалуй, рѣшатъ задачи на всѣ четыре арифметическія дѣйствія; а жизнь между тѣмъ задаетъ взрослому человѣку задачи гораздо болѣе сложныя; поэтому существующая школа въ высшей степени полезна, необходима, но недостаточна — нужно посѣщать другую, высшую школу, которая очинщаетъ нашу душу, воспитываетъ человѣка, живыми образами показываетъ, какъ надо жить, что нужно дѣлать.

„Всѣмъ намъ ясно громадное значеніе народнаго театра, который можетъ быть народнымъ университетомъ, храмомъ, гдѣ служатъ истины. Въ славныя времена Эсхила и Софокла въ древней Элладѣ, театръ былъ истинно алтаремъ боговъ. Конечно, теперь времена не тѣ, на смѣну эллинизму явилась христіанская цивилизація, но принципъ искусства долженъ остаться тотъ же. Современный театръ долженъ поклоняться христіанской красотѣ, быть ея храмомъ, а сцена — каедрой, съ которой должны

*.) Настоящая статья принадлежитъ молодому автору и еще болѣе молодому артисту. Въ ней характерно отразились модныя увлеченія Ницше, Уайльдомъ и другими новѣйшими метафизиками такъ называемаго декадентства. Тѣмъ не менѣе, многое, въ этихъ отрывочныхъ и часто парадоксальныхъ замѣткахъ, указано вѣрно, правдиво, заставляетъ задуматься и пересмотрѣть сводъ собственныхъ эстетическихъ воззрѣній. Это необходимо порою, иначе, отъ времени и отъ бездѣйствія мысли, въ самыхъ лучшихъ взглядахъ можетъ завестись плѣсь самодовольной пошлости.

утверждаться въ мірѣ завѣты Божественнаго Учителя о братствѣ и равенствѣ всѣхъ людей. Пусть въ театрѣ идутъ всѣ униженные и оскорбленные, сомнѣвающіеся въ себѣ, всѣ нуждающіеся въ нравственной поддержкѣ. Пусть приходятъ въ театрѣ и баловни судьбы: здѣсь покажутъ имъ чужія страданія и будутъ вызывать къ ихъ добрымъ чувствамъ“ и т. д.

Тѣ же мысли у меня тѣснились въ головѣ недавно, когда я проходилъ черезъ турникетъ, поставленный при входѣ грандіозной открытой сцены Петровскаго острова. Не придавалъ существеннаго значенія всякимъ нелѣпымъ эпизодамъ, безъ которыхъ у насъ трудно обойтись, перейду прямо къ тому, что я увидѣлъ на сценѣ.

Шумъ занавѣса, поднятаго къ колосникамъ, замолкъ, и я услышалъ надорванную хрипоту суфлера. Актеры, видимо, выжидали, желая дать морю головъ поуспокоиться. Наконецъ, вслѣдъ за суфлеромъ—начали—и загрудняюсь словомъ—начали кричать и актеры. Французскій водевиль „Простушка и воспитанная“, передѣланный ловкимъ версификаторомъ на русскій ладъ, могъ-бы все же произвести нѣкоторое эстетическое впечатлѣніе, но въ томъ вульгарномъ исполненіи, которое мнѣ было суждено увидѣть, это было, безъ всякаго сомнѣнія, нѣчто антихудожественное. Смотрѣть на сцену было противно, а слушать идиотскій хохотъ и рукоплесканія толпы прямо страшно.

Содержаніе водевиля извѣстно всѣмъ. Если играть его весело, бойко и легко, какъ своеобразное проявленіе французскаго *esprit*, то его можно смотрѣть не безъ удовольствія. Но если кричать эту бездѣлку съ фальшивымъ азартомъ, достойнымъ мелодрамы, и трактовать не въ шутку чудовищную мораль анекдота, то вырастаетъ какое-то грязное пятно. Въмѣсто наивной, эксцентричной пейзажки—развязная кухарка, третирующая своего мужа. Въмѣсто недалекаго, милаго буржуа—господинъ, играющій „благороднаго“, но въ обращеніи съ женой, истаго сапожника. Простодушный деревенскій парень фигурируетъ здѣсь въ видѣ купческаго кучера и заигрываетъ съ сестренкой, точно съ сосѣдской горничной. Поклонникъ воспитанія, корректный дядюшка похожъ на приживальщика, а его супруга, легкомысленная барынька, на какую-то ханжу. Г. офицеръ, очевидно, по его мнѣнію, занимается не свѣтскимъ флиртомъ, а везетъ тяжелый возъ. Таковъ колоритъ исполненія, къ тому же при полномъ незнаніи ролей.

Я понимаю: играть при условіяхъ, въ которыхъ я видѣлъ гг. артистовъ, нельзя,—нельзя, надрывая голосъ, беззаботно щебетать; нѣтъ возможности мирироваться, когда прямо въ глаза палитъ солнце, которое безцеремонно разрушаетъ всю иллюзію театральнаго обстановки. Все это я понимаю; но, вопросъ: понятно ли это Попечительству? Если допустить, что я видѣлъ не драматическихъ артистовъ, а просто людей, снискивающихъ себѣ пропитаніе своимъ позоромъ, то и тогда какой стыдъ! Прежде

«ФАУСТЪ». (Къ 150-лѣтію рожденія Гете).

Прологъ въ театрѣ.
(Директоръ, поэтъ и комикъ).

всего, театръ можетъ быть только закрытымъ: прошли времена котурнъ и постоянныхъ масокъ греческихъ амфитеатровъ, и современный водевиль играть возможно, только при соблюденіи всѣхъ настоящихъ требованій сцены. Нужды нѣтъ, что въ закрытомъ помѣщеніи будетъ меньше глазѣющихъ на сцену, но зато будетъ возможность играть хотя бы для тѣхъ немногихъ, кто сидитъ дѣйствительно въ театрѣ, а не Богъ знаетъ гдѣ.

II.

Выцвѣтшее, неудовлетворяющее интеллигентное общество, сценическое искусство заставляетъ наиболѣе чуткихъ артистовъ нервно относиться къ своему творчеству. Приходится видѣть, какъ талантливый исполнитель, идя на встрѣчу своимъ неяснымъ художественнымъ идеаламъ, вступаетъ въ разладъ съ своей музой.

Нынѣ царствующее сценическое направленіе именуется не иначе, какъ реальнымъ. Вѣрнѣе, было бы считать его разсудочнымъ и удаленнымъ отъ жизни. Мы видимъ филигранную работу, искусство, основанное на внѣшней отдѣлкѣ, на деталяхъ и утратившее цѣльность образовъ. Съ одной стороны, въ исполненіи—нервность, съ другой, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ,—спокойное ремесло, достигшее вершинъ техническаго производства.

Я встрѣтилъ въ печати взглядъ, что возрожденіе русской сцены—въ повсемѣстномъ распространеніи народныхъ и общедоступныхъ театровъ. Это все равно, какъ судить о прогрессѣ въ наукахъ и литературѣ, по увеличенію числа народныхъ изданій и книжекъ для самообразованія. Публицистическое направленіе, которымъ освѣщается, вообще, русская художественная дѣятельность, отразилась въ настоящее время и на театрѣ, задачей котораго стало всецѣло служеніе народному просвѣщенію. Театръ—школа, вотъ формула, и только въ ея предѣлахъ можно говорить о нашихъ народныхъ театрахъ. Театръ—это послѣдняя, по времени, художественная дань нашего немногочисленного интеллигентнаго авангарда многомилліонной некультурной массѣ.

Остается утѣшать себя надеждою, что наступитъ пора новой работы мысли и чувства въ нашихъ интеллигентныхъ силахъ, и что передъ нашими глазами—груды устарѣвшаго матеріала, о скорѣйшей уборкѣ котораго надо дѣятельно хлопотать. Положеніе дѣлъ напоминаетъ рабочій кабинетъ, изъ котораго, въ виду наступленія весны, приходится унести зимнія рамы, переменить въ немъ мебель и, благодаря установившейся традиціи, убрать на лѣто ковры, но главное—переложить все содержимое письменнаго стола, многое уничтожить, остальное запереть въ бібліотеку. Съ будущей осени столъ опять будетъ понемногу наполняться нужными и ненужными бумагами и книгами, натянута снова ковры и снова будетъ вѣдаться въ нихъ пыль, опять вставятъ зимнія рамы, черезъ которыя, по прежнему, будутъ являться петербургскіе дни и ночи. Но все это будетъ уже не то, что было. Прошлое никогда не вернется во всѣхъ своихъ элементахъ—оно живетъ своею загробною жизнью, имѣя на наше настоящее вліяніе, лишь отбѣивающее новое, пришедшее на смѣну. Жить прошлымъ—не все ли равно, что отказаться жить? Видѣть процвѣтаніе жизни въ похоронной процессіи—не болѣе какъ жажда возрожденія и, можетъ быть, его предчувствіе.

Въ чемъ-же можетъ выразиться шагъ впередъ современной сцены и что, собственно, находится теперь у насъ передъ глазами?

„Современный театр—это рутинная, предразсудокъ. Когда поднимается завѣсъ, и при вечернемъ освѣщеніи, въ комнатѣ съ тремя стѣнами, наши великіе таланты, жрецы святого искусства изображаютъ, какъ люди ѣдятъ, пьютъ, любятъ, ходятъ, посятъ свои пиджаки; изъ пошлыхъ картинъ и фразъ стараются выудить мораль маленькую, удобопонятную, полезную въ домашнемъ обиходѣ; въ тысячахъ варіацій мнѣ преподносятъ все одно и то же, одно и то же, одно и то же. Нужны новыя формы. Новыя формы нужны, а если ихъ нѣтъ, то лучше ничего не нужно!“ Вотъ мнѣніе Треплева изъ пьесы „Чайка“ Чехова, къ которому я съ грустью присоединяюсь.

Большинство актеровъ современной сцены лишь выразительно говорятъ или только выразительно читаютъ свои роли и забываютъ, что въ искусствѣ можно говорить только образно, даже когда слова либретто передаютъ одни понятія. Въ метафорахъ же, тропахъ и другихъ средствахъ образной рѣчи актеры впадаютъ въ описательный характеръ жестовъ, позъ и интонацій. Надо было бы дѣлать наоборотъ—тамъ, гдѣ слова сами по себѣ вызываютъ образы, обращать большее вниманіе на силу и ясность произношенія, и тамъ, гдѣ чистая отвлеченность,—прилагать всю мощь воображенія, чувствовать какъ можно глубже, и тогда передъ зрителями будутъ живо вставать безплотные образы самыхъ су-

хихъ понятій. Вѣдь и думать—значитъ чувствовать. Не надо на сценѣ говорить слова, не влекущая за собой образовъ, не надо подражать жизни, гдѣ мы часто слышимъ бездушныя фразы и фальшивые охи и вздохи или, еще того чаще,—ученыя слова, лишеныя всякой конкретности. Далеко не лишены смысла слова Андрюши въ „Новомъ дѣлѣ“ Вл. И. Немировича-Данченка: „Слова для меня не существуютъ. Я ихъ вовсе отрицаю, говорить онѣ. Они никогда не показываютъ, чего хочетъ человѣческая душа. А вотъ звуки—тѣ на меня дѣйствуютъ...“

Нельзя не видѣть общей блѣдности даже наиболѣе тщательнаго сценическаго исполненія. Странно смотрѣть на лучшихъ представителей современнаго драматическаго искусства въ ихъ стараніяхъ показать чуть не математически повседневный обиходъ. И все—изъ желанія быть какъ можно ближе къ жизни. Да развѣ въ жизни, если на то пошло, мы видимъ людей и явленія такими откровенными, понятными въ мотивировкѣ своихъ функций, вывороченными наизнанку и спокойно провѣтривающимися на глазахъ у всѣхъ и въ собственномъ сознаніи? Сшитыя бѣлыми нитками во имя жизни швы театральной психологій торчатъ наружу. Реалистическія тенденціи можно поддерживать только до той поры, пока рука объ руку съ талантомъ идетъ знаніе. Знаній—нѣтъ, и трудно допустить даже бутафорскую подлинность театральной психики въ съ настоящимъ положеніи. Психологія еще далеко не сложившаяся наука, подверженная чуть не каждодневнымъ колебаніямъ, за которыми нужно слѣдить. Что ощущенія, чувствованія, умъ, составляютъ міръ, имѣющій начало въ животной жизни; что между самой примитивной функцией организма и самой высшей идеей нѣтъ природнаго различія, но есть только разница въ степени—все это стало ходячей истиной. Откуда же на нашей сценѣ два рѣзко разграниченныхъ теченія въ выраженіи духовнаго и животнаго міровъ?

Сознаніе—это только маленькая свѣтлая точка въ громадной темнотѣ. Большинство нашихъ поступковъ не образуютъ сознательныхъ стремленій къ намѣченной цѣли: естественная пружина дѣйствій прежде всего находится въ области безсознательной. Есть сферы въ нашемъ сознаніи, гдѣ оно едва мерцаетъ, гдѣ смутно трепещетъ предчувствіе и притаилось молчаніе. Здѣсь-то и есть искусство, жилище грядущихъ настроеній, о которыхъ надо догадываться по тѣни движенія, по эху интонацій, по тишинѣ паузъ... Прошли времена, когда „Théâtre libre“, въ своемъ увлеченіи экспериментальнымъ методомъ, доходилъ до того, что ставилъ пьесы не только съ настоящимъ супомъ, но даже и настоящими костюмами чистильщиковъ водосточныхъ канавъ.

Въ то время, какъ въ живописи протестомъ не обосновавшему реализму и въ то же время его логическимъ продолженіемъ явились „пленизмъ“ и „импрессионизмъ“,—въ сценической школѣ наблюдается застой, эксплуатація отжившаго.

Наше искусство не пробуждаетъ въ насъ дремлющихъ силъ къ новымъ формамъ дѣятельности, а наоборотъ—убаюкиваетъ ихъ своимъ утомительнымъ однообразіемъ, и, конечно, въ концѣ концовъ, лучше совѣмъ заснуть, чѣмъ чувствовать себя во власти недоброй няньки, всѣ помыслы которой направлены на то, чтобы дитя скорѣе заснуло.

Б. Гусевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вольфгангъ Гете.

(Къ 150-лѣтію рожденія).

Готова чудный день. После нѣсколькихъ сумрачныхъ дождливыхъ дней проглянуло солнышко, озаривъ яркими лучами Франкфуртъ, съ его небрежно разбросанными домиками и громадными фабриками и заводами. Какъ зеркальная поверхность, блеститъ на солнцѣ гладь великаго Майна. Причудливыя очертанія прохожихъ и пробѣгающихъ, время отъ времени, по небу облаковъ видны въ глубинѣ „пѣмецкаго озера“. Дальше видно отраженіе длиннаго ряда домовъ. Вотъ одноэтажный домикъ, напоминающій современныя памъвиллы. Въ немъ навѣрное живетъ какая-нибудь счастливая парочка. А вотъ громадный домъ, по вѣншиности некрасивый, но, надо думать, очень доходный и приспособленный для человека „всѣми уважаемаго“ и „почтеннаго“, который всегда и во всемъ корректенъ, но и на рѣдкость скученъ и сухъ.

Но для солнышка нѣтъ разницы. Оно озаряетъ и прихотливую виллу, и сумрачный домъ. Радужные лучи его быстро скользятъ по поверхности разныхъ строеній, освѣщая все на своемъ пути и пробираясь во все щели и отверстія.... Вотъ спонъ лучей прорвался въ плотно завѣшанныя окна квартиры зажиточнаго, очень „уважаемаго“ и, наконецъ, очень „почтеннаго“ франкфуртскаго гражданина—Иоганна Каспара Гете, и внезапно освѣтила цѣлую группу лицъ, наклонившихся надъ чѣмъ-то маленькимъ и некрасивымъ. Это былъ поворожденный младенецъ, лежавшій безъ всякихъ признаковъ жизни. Вскорѣ однако дитя открыло глаза, и комната огласилась рѣзкимъ пискомъ и крикомъ. Ребенокъ былъ живъ, и почтенный Иоганнъ Гете потерялъ, въ этотъ счастливый моментъ, всю свою „корректность“ и „солидность“. Мигъ былъ торжественный. Окружающіе „прозрѣли“, и предсказывали поворожденному Вольфгангу великое будущее. Было несомнѣнно, что небесныя свѣтила расположены были въ этотъ день какъ-то иначе.

Случилось все разсказанное 16 (28) августа 1749 г. Пронло 26 лѣтъ. Ребенокъ Вольфгангъ обратился въ красиваго мужчину, которымъ увлекались всѣ женщины и который самъ увлекался ими. Вотъ какъ описываетъ Льюисъ наружность молодого Гете: „Гете сравнивали съ Аполлономъ еще задолго до того времени, когда слава приковала къ нему всѣ взоры. Когда въ гостиницѣ онъ выходилъ въ общій обѣденный залъ, то обѣдающіе оставляли ложки и вилки, чтобы полюбоваться на красавца. Надо

Вольфгангъ Гете.

(Силуэтъ).

замѣтить, что самыя лучшіе его портреты и бюсты даютъ только весьма слабое понятіе о его красотѣ; они представляютъ намъ одинъ его вѣншиній образъ, но не передаютъ выраженія жизни, которая играла въ его чертахъ; даже и самый образъ они передаютъ не совсемъ вѣрно. Черты лица у него были крупныя, рѣзко очерченныя (они напоминали изыщную красоту линий греческой скульптуры. Высокій, крутой лобъ; большіе блестящіе черные глаза, удивительной красоты; зрачки величины почти необыкновенной; большой носъ небольшимъ горбомъ; изящно очерченный ротъ съ выдавшеюся впередъ верхней губой, что придавало особенную выразительность; красивая мускулистая шея).

Предсказаніе франкфуртскихъ кумушекъ о томъ, что Гете будетъ великимъ человекомъ, почти уже сбылось. Къ этому времени (1775 г.) Гете уже создалъ нѣсколько произведеній, которыя облетѣли всю Германію, и пѣмецкая молодежь уже видѣла въ юномъ поэтѣ будущаго пѣвца свободы, общечеловѣческой любви, гуманности и справедливости. Одно изъ первыхъ произведеній молодого поэта—драма „Гецъ фонъ-Берлинхингена“ была съ восторгомъ принята всей Германіей. Въ этой драмѣ видѣли тѣ начала, которыя должны были поколебать все старое, обыденное и скучное въ искусствѣ. Нужно замѣтить, что семидесятыя годы прошлаго столѣтія ознаменовались глубокимъ броженіемъ. Вопросъ о полной свободѣ, о борьбѣ за свободу не сходилъ у молодежи съ языка, поэтому „Гецъ“, этотъ рыцарь-разбойникъ, олицетворявшій собою тогдашній идеалъ борца за свободу, явился какъ цельзя болѣе кстати, и сразу сдѣлался любимѣйшимъ героемъ всѣхъ, кто обладалъ сердцемъ, способнымъ биться за правду и въ комъ была готовность бороться, а если нужно—то и умереть за свободу.

За „Гецомъ“ появилось другое произведеніе Гете—„Вертеръ“, которое имя поэта сдѣлало извѣстнымъ далеко за предѣлами Германіи. Авторъ въ лицѣ героя своего повало произведенія изобразилъ человека, который неудовлетворенъ окружающею его пошлостью и прозой жизни, и который рѣшилъ лучше покончить съ жизнью, чѣмъ жить такъ, какъ живутъ окружающіе. То же настроеніе было свойственно въ то время и всей Европѣ, которая откликнулась на „стоны и страданія Вертера“, найдя въ нихъ отзывъ собственныхъ страданій.

Но слава родитъ хулу и зависть... Рядомъ съ почитателями таланта великаго Гете были и такіе, которые дѣлали много попытокъ развѣдчатъ гениальнаго поэта и подорвать его авторитетъ у потомства. Эти люди, находившіе во всемъ темныя пятна, врываются въ частную жизнь и внутренній міръ Гете, комментировали каждый его шагъ, каждый поступокъ, выдвигая впередъ все то, что было у поэта заслуживающаго порицанія. Эти хулители только и признавали Гете, какъ искуснаго версификатора, у котораго только и есть одно достоинство—это умѣнье красиво писать. Ему ставилась въ упрекъ вся бурно-прошедшая молодость; его порицали: за „лакейство“ передъ „высшими міра сего“, за его мнимый педантизмъ и „олимпійское спокойствіе“. Наконецъ, хулители упрекали великаго поэта и за его равнодушіе къ общественной жизни и общественнымъ нуждамъ... Вообще, многіе не только современники, но и позднѣйшіе критики пришли къ заключенію, что Гете былъ черствымъ человекомъ, думавшимъ только о собственномъ благополучіи.

Мы не будемъ касаться частной жизни Гете. Несом-

Вольфгангъ Гете.

ибно, что частная жизнь Гете заслонила въ глазахъ лучшихъ критиковъ сущность и идеи его мировыхъ созданий.

„Развѣ,—говоритъ авторъ одной статьи о Гете,—въ „Ифигеніи“, гдѣ античный сюжетъ подвергнутъ своеобразной „модернизации“, новые культурные идеалы не противопоставляются старому варварству и умственному мраку? Развѣ Эмонтъ не выседитъ другому народа, самоотверженнымъ общественнымъ дѣятелемъ, и вса трагедія не проникнута пламеннымъ воодушевленіемъ и гуманными идеями?.. До сихъ поръ шла рѣчь о болѣе раннихъ произведеніяхъ Гете; но вспомните вторую часть „Фауста“, гдѣ прошедшій черезъ длинный рядъ послѣдовательныхъ стадій, поддававшійся въ прошломъ соблазну женской любви, политическаго могущества, военной славы герой приходитъ, наконецъ, къ сознанию, что истинное счастье—въ служеніи ближнимъ, въ разумно понятой филантропической дѣятельности, въ объединеніи всѣхъ людей на почвѣ общихъ интересовъ. Онъ хочетъ „auf freiem Grund mit freiem Volke stehen“, ему грезится въ будущемъ „райская страна“, въ которой миллионы людей получаютъ возможность мирно, но неустанно трудиться и развивать свои духовныя и физическія силы, потому что „nur der verdient sich Freiheit wie das Leben, der täglich sie erobern muss“... Такъ писалъ и думалъ старикъ Гете!“

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о Гете, какъ театральномъ дѣятелѣ. О дѣятельности Гете, какъ драматурга, и объ его взглядахъ на театръ, читатели могутъ незнакомясь въ прекрасной книгѣ: „Разговоры Гете, собранныя Эккерманомъ“, въ переводѣ Д. В. Аверкіева. Здѣсь мы коснемся только того періода жизни Гете, когда онъ явился предъ публикой въ новой роли, —директора театра. Въ 1771 г. Гете было поручено управленіе театромъ въ Веймарѣ, гдѣ до этого времени театръ, собственно, не существовалъ. По временамъ только устраивались при дворѣ спектакли, которые были доступны исключительно для придворныхъ и исполнителями на которыхъ являлись не профессиональные актеры, а любители—разные принцы, графы и проч. придворная знать. Гете, занявъ при дворѣ почетное мѣсто, и самъ принималъ очень близкое участіе въ театральныхъ увеселеніяхъ привилегированнаго меньшинства. Однако, онъ понималъ, что театръ не долженъ быть только праздной забавой, но имѣетъ задачу вліять на массу, почему и долженъ быть общедоступнымъ. Эту мысль онъ проводитъ при дворѣ и добивается того, что къ 1791 г. въ Веймарѣ построенъ театръ, директоромъ котораго назначается Гете, съ неограниченными полномочіями. Вотъ тутъ-то, по мнѣнію порицателей поэта, Гете начинаетъ проявлять несправедливыя стороны своего характера. Онъ становится деспотомъ публики, посягающей на театръ, и актеровъ. По словамъ этихъ порицателей Гете, онъ покрикиваетъ во время спектакля на публику, если она измѣняла одобреніе или порицаніе, съ которыми онъ былъ не согласенъ. Противорѣчить ему никто не смѣлъ, ибо весь дворъ работѣствовалъ передъ нимъ, а народъ, толпа — въ свою очередь — работѣствовала и болѣла двора. Но, однако, тутъ есть что-то не выясненное. Лейпцигскіе студенты, напримеръ, которые въ то время являлись грозой для обитателей города, потому что въ своихъ дебютирствахъ доходили до невозможнаго, въ театрѣ превращались въ слѣдное орудіе въ рукахъ Гете. Очевидно причина этого не въ ограниченной власти Гете, а въ нравственномъ и умственномъ воздѣйствіи, *воплотивъ свободномъ* и потому столь дѣйствительномъ. В. Л.—ій.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Театральнымъ Обществомъ разосланы гг. антрепренерамъ циркуляръ слѣдующаго содержания:

Совѣтъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Русскаго Театральнаго Общества, въ числѣ важнѣйшихъ мѣропріятій, поставленныхъ на ближайшую очередь, считаетъ собраніе возможно точныхъ и полныхъ статистическихъ свѣдѣній о ходѣ театральнаго дѣла въ провинціи, наличность которыхъ въ высшей степени необходима при разработкѣ уставовъ корпорации сценическихъ дѣятелей и различныхъ ея учреждений. Агенты Русскаго Театральнаго Общества, съ выработкой для нихъ Совѣтомъ новой инструкціи, уже составляемой, явятся лицами, на которыхъ будетъ возложенъ въ провинціи громадный трудъ статистики театральнаго дѣла. Между тѣмъ до сихъ поръ они не имѣютъ въ театрахъ постоянного бесплатнаго мѣста, на ряду съ агентами общества Русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ и цензорами, тогда какъ необходимость ихъ частаго присутствія въ театрѣ

очевидна. Уже и теперь нѣкоторые агенты нѣрѣдко затруднялись исполненіемъ порученій Совѣта, вслѣдствіе матеріальныхъ соображеній, теперь же, при предполагаемомъ расширеніи ихъ компетенціи, расходы на театральные билеты и программы явятся для нихъ непосильнымъ бременемъ. Въ успѣшности собранія статистическихъ свѣдѣній прежде всего и наиболѣе заинтересованы, конечно, гг. предприниматели и артисты, такъ какъ это послужитъ къ скорѣйшему проведенію въ жизнь мѣропріятій, долженствующихъ поднять русское театральное дѣло и создать мѣры къ матеріальному обезпеченію какъ артистовъ, такъ и предпринимателей и къ урегулированію ихъ взаимоотношеній. Въ виду вышесказаннаго, Совѣтъ Русскаго Театральнаго Общества надѣется, что Вы, Милостивый Государь, признаете полезнымъ отвѣсти для Агента Общества въ городѣ, гдѣ Вы ведете театральное дѣло, опредѣленное постоянное безплатное мѣсто въ театрѣ въ одномъ изъ первыхъ шести рядовъ партера.

Одновременно съ этимъ циркуляромъ, разосланъ другой—агентамъ, съ просьбою отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) какаѣ форма отчетности будетъ наименѣе обременительна для агента при условіи ея точности, полноты и удобства контроля со стороны Совѣта? 2) Какія права необходимо предоставить агенту для успѣха его дѣятельности?

Вопросы эти имѣютъ, въ виду изданія общей инструкціи для агентовъ, важное значеніе.

* * *

Во вторникъ, 17-го августа, въ Павловскомъ театрѣ состоялся бенефисъ режиссера С. В. Брагина. Шли „Таланты и поклонники“, съ участіемъ П. В. Самойлова въ роли Мелузова. Спектакль былъ, вообще, однимъ изъ удачнѣйшихъ. Г-жи Хомяскаѣ—Пѣгина, Чижевскаѣ—Дюмна Паптедьевна, гг. Самойловъ, Бравичъ, Брагинъ, Орленовъ, Наумовскій—въ общемъ, создали превосходный ансамбль. Въ роли Мелузова г. Самойловъ появляется въ Петербургѣ впервые. Онъ играетъ эту роль очень характерно и колоритно, съ простотой, которая въ примѣненіи къ задуманному имъ образу, не впадаетъ въ переизощреніе, но ярко отбѣиваетъ черты героя. Тѣмъ не менѣе, отдавалъ должное выдержанности игры, я не могу не замѣтить, что Мелузовъ въ исполненіи артиста утрачиваетъ обаятельныя черты молодости и экзальтированности, и скорѣе сбивается на фигуру убѣжденнаго резонера. Тѣмъ ли это? Самый гримъ Мелузова, въ которомъ преобладаетъ сухость и который кажется старше своихъ лѣтъ, вѣренъ ли онъ? Готъ гримъ въ одинаковой мѣрѣ можетъ быть примѣненъ къ Карандышеву, какъ и къ Мелузову.

Г. Брагинъ получилъ нѣсколько подарковъ, и многочисленная публика отнеслась къ бенефицианту съ большою симпатіею. Н. нов.

* * *

Въ открытыхъ театрахъ Понечительства о народной трезвости спектакли продолжаются безъ перерыва, несмотря на шалости петербургскаго климата. Усордіе, направленное къ достиженію прямыхъ цѣлей Понечительства, весьма похвальное, но положеніе актеровъ, которымъ приходится играть почти подъ открытымъ небомъ въ суровую непогоду, нельзя назвать завиднымъ. Долго ли простудятся при этакихъ условіяхъ? До игры ли, на когда зубъ на зубъ не упадетъ? И много ли толку этакой игрѣ для публики.

Кто-то предложилъ установить „барометрической минимумъ“ для представлений на открытыхъ и полукрытыхъ сценахъ. Это—излишекъ административной заботливости, безъ котораго можно вполне обойтись. Но и учрежденіе, какъ Понечительство о народной т должно показывать примѣръ гуманности по отношенію актерамъ, не дожидаясь напоминаній и жалобъ.

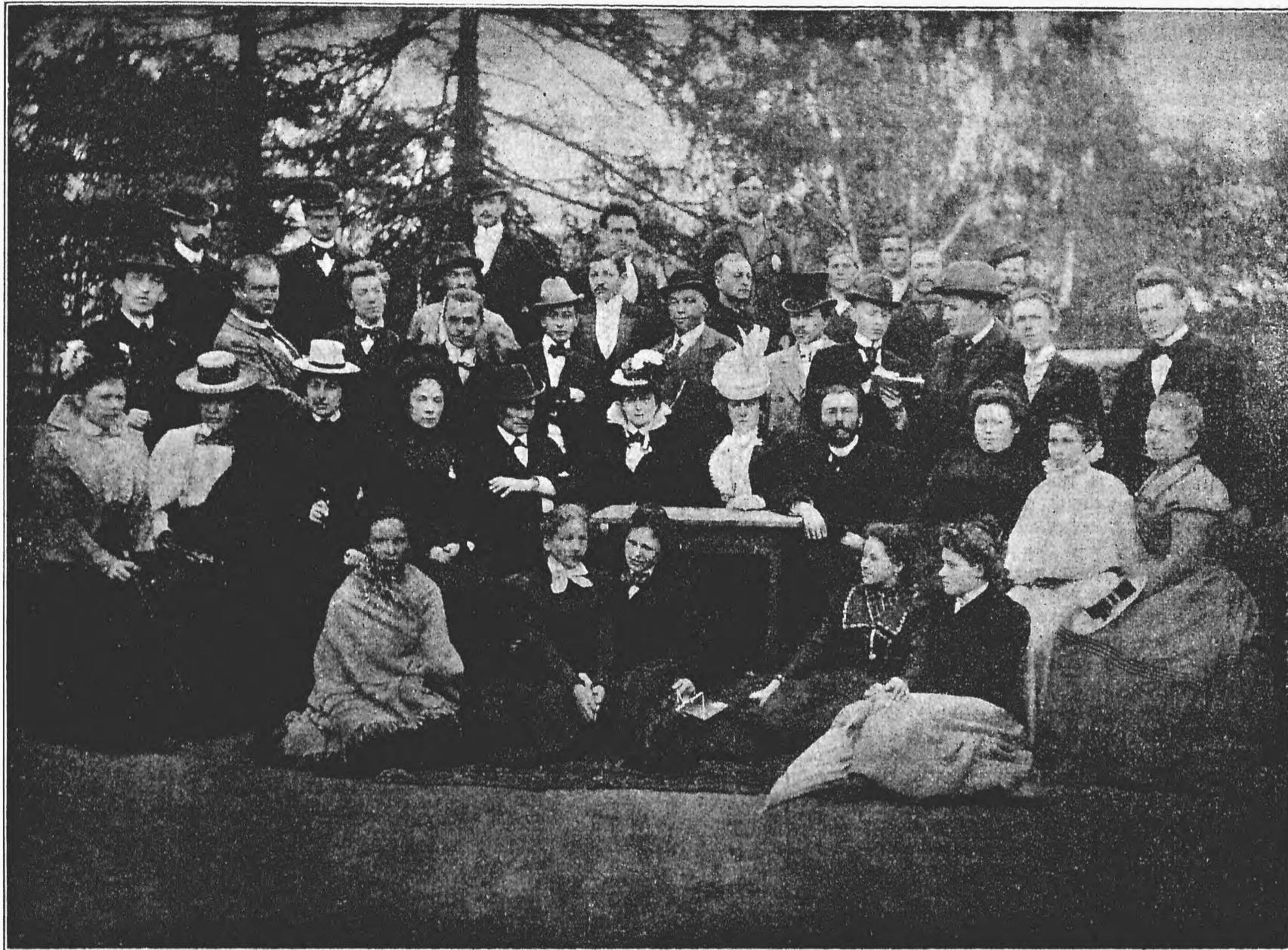
* * *

Репертуаръ московскаго „Художественно-общедоступнаго театра“ почти совершенно выработанъ. Изъ прошлогодняго репертуара будутъ исполнены „Царь Оедоръ Иоанновичъ“, „Антигона“, „Чайка“, „Потопувшій Колоколь“, „Эдда Габлеръ“ и „Трактирщица“, „Шейлокъ“, „Самоуравни“ и „Счастье Греты“ снимаются съ репертуара. Возобновлены будутъ „Безприданница“, „Двадцатая ночь“, „Уриель Акоста“ и „Плоды просвѣщенія“. Вновь будутъ поставлены: „Смерть Іоанна Грознаго“, „Возникъ Геншель“, „Дядя Ваня“ и „Одинокіе люди“, Ибсена. Помимо этого двѣ новыя пьесы, но какія именно, пока не опредѣлено. Сезонъ начнется „Смертью Іоанна Грознаго“ 29 сентября.

Вновь приняты въ труппу „Художественно-общедоступнаго театра“ нѣсколько воспитанницъ и воспитанниковъ Филармоническаго и Императорскаго театральнаго училища. Всего въ труппѣ будетъ числиться семнадцать артистовъ и двадцать-три артиста. Кромѣ того, имѣются двѣ

ГРУППА АРТИСТОВЪ ТЕАТРА «ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ».

(С.-Петербург. городск. попечительство о народной трезвости).

Надеждина. Мировичъ. Туманова. Никитина.

(Съ фотографіи Бенина).

Милорадовичъ. Вольнова. Эртганъ. Орлова. Вольфъ. Корсакова. Сахарова. Шмитовъ. Сольская. Мерцъ. Шумская.

Сапунъ. Петровичъ. Бабковъ. Петропавл. Рязанцевъ. Головинскій. Алексѣевъ. Никольскій. Баргеновъ. Красновъ.
Кремневъ. Алашеевскій. Аркадьевъ. Дьяконовъ.

группы исполнителей выходныхъ ролей и постоянныхъ статистовъ: въ одной—28 человекъ, въ другой—35.

Первой новинкой московскаго Большаго театра будетъ опера Гектора Берліоза „Троянцы въ Кароагенѣ“.

Въ Новомъ театрѣ въ октябрѣ пойдетъ опера Обера „Бронзовый конь“.

Зимній сезонъ драматическихъ спектаклей на Александринскомъ театрѣ открывается 30-го августа „Шутниками“ Островскаго съ г. Давыдовымъ въ роли Оброшенова и г-жей Потоцкой въ роли Вѣрочки, причемъ артистка будетъ чередоваться съ г-жей Домашевой. Въ сентябрѣ будутъ поставлены: „Глухая стѣна“, драма въ 5 дѣйств. г-жи Ольги Шапиръ и „Биронъ“, драма въ 5 дѣйств. г. Борисова. Возобновлены будутъ: „Холостякъ“ и „Завтракъ у предводителя“ Тургенева. Съ 30-го августа по 15-е сентября въ Михайловскомъ театрѣ ежедневно будутъ русскіе драматическіе спектакли переводнаго репертуара. Сезонъ Михайловскаго театра откроется трехъ-актной драмой „Галеотто“ Эчегарая. Кромѣ того, будетъ поставлена драма „Безъ любви“, Артура Шницлера („Liebele“) въ переводѣ г. Саблина.

Для бенефиса г. Дальскій выбралъ „Отелло“, а г. Медвѣдевъ—драму „Идіотъ“ передѣлку изъ романа Достоевскаго, какъ говорятъ, при благосклонномъ участіи г. Крылова.

* * *

Какъ намъ передаютъ, возникло предположеніе учредить въ Петербургѣ акціонерное общество для постройки новаго театра. Домостроительное общество берется выстроить зданіе на свой счетъ, разъ ему предоставлена земля, и затѣмъ предоставитъ акціонерному обществу погашать стоимость зданія ежегодными взносами.

* * *

Московская газета сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о старѣйшей дѣятельницѣ русскаго театра. Въ Большомъ Кози-

хинскомъ переулкѣ, въ домѣ Шапошникова, въ скромной квартиркѣ своей дочери, артистки Императорскихъ театровъ, проживаетъ бывшая хористка, Марья Михайловна Золотарева, которой на-дняхъ исполняется 100 лѣтъ со дня рожденія. Почтенная старушка вступила въ театральнй хоръ въ достопамятнй 1812 годъ и пробыла въ немъ 50 лѣтъ. Около 40 лѣтъ назадъ она оставила службу и живетъ на покой, на скромную пенсію. Г-жа Золотарева была замужемъ за театральнымъ труженикомъ и отъ этого брака имѣла 15 человекъ дѣтей, изъ которыхъ теперь жива только одна дочь. Старушка до сихъ поръ прекрасно сохранилась, очень бодрая и живая, много говоритъ о своихъ знаменитыхъ сослуживцахъ по театру.

* * *

Новый директоръ Императорскихъ театровъ, кн. С. М. Волконскій, ожидается въ Москву въ первыхъ числахъ сентября и 26-го, какъ говорятъ, состоится представленіе артистовъ драматической труппы новому директору. Нельзя не отмѣтить симпатичнаго нововведенія. Кн. С. М. Волконскимъ установлена два дня въ недѣлю для приѣма артистовъ, по ихъ дѣламъ. Такой доступности раньше не было.

* * *

Общее собраніе членовъ Литературно-артистическаго Кружка, въ нынѣшнемъ году сильно запоздавшее, созывается въ новомъ помѣщеніи Кружка въ Маломъ театрѣ на 31 августа, а въ случаѣ неприбытія полсженнаго числа членовъ на 8 сентября. День открытія еще не установленъ окончательно. Предполагается открыть сезонъ комедіей „На всякаго мудреца довольно простоты“. Второй пойдетъ мелодрама Дюма „За королеву“.

* * *

† А. Х. Гиллерта. Въ Москвѣ скончался артистъ балетной труппы Императорскихъ театровъ А. Х. Гиллертъ при довольно загадочной обстановкѣ. 10-го августа онъ переехалъ съ дачи на вновь нанятую имъ квартиру. Въ теченіе двухъ дней, 11 и 12 августа, сосѣдніе квартиранты замѣтили, что г. Гиллертъ изъ дома не выходитъ. Дверь была взломана. Въ квартирѣ оказался полный порядокъ. Врачи, осмотрѣвъ А. Х. Гиллерта, нанесли его уже скончавшимся. На тѣлѣ покойника никакихъ знаковъ насилія не обнаружено. По мнѣнію врача, смерть А. Х. Гиллерта послѣдовала скоропостижно, вслѣдствіе паралича головного мозга.

* * *

Памѣ пришло слѣдующее письмо артиста-еврея съ пометкою „Черта осѣдлости“. Даемъ ему мѣсто, ибо письмо несомнѣнно продиктовано горькой нуждою.

На первомъ Всероссийскомъ Сѣздѣ сценическихъ дѣятелей, между прочимъ, былъ возбужденъ и вопросъ о правѣ жительства артистовъ-евреевъ въ столицахъ и вообще въ городахъ и мѣстностяхъ, находящихся внѣ черты осѣдлости. Сѣздъ единогласно постановилъ ходатайствовать, чтобы еврейско-артистамъ было разрѣшено жить во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи, *хотя бы на время служебнаго сезона*. Это постановление Сѣзда вызвало поправку со стороны одного литератора. Онъ обратилъ вниманіе Сѣзда на то обстоятельство, что въ данномъ постановленіи предусмотрено только время служебнаго сезона, но артисту важно въ упомянутое повсемѣстное право жительства и на время безработицы.

Артистъ служить — ему можно жить въ городѣ, сезонъ кончился — уѣзжай. Куда же онъ поѣдетъ? У какого артиста, въ особенности, семейнаго человѣка, остаются средства и такія, чтобы можно было переѣхать изъ города въ городъ да еще съ семьей? Вѣдь пока авансъ новаго антрепренера не придетъ къ нему на помощь — онъ съ мѣста двинуться не можетъ. Наконецъ, постомъ артисту необходимо побывать въ Москвѣ для присканія себѣ мѣста. А тутъ — преграда!..

«Поэтому, продолжалъ ораторъ, все болѣе и болѣе водушевляясь, — я попрошу бы Сѣздъ формулировать ходатайство это такъ: „Ходатайствовать передъ правительствомъ о безусловномъ дозволеніи проживать всѣмъ еврейско-артистамъ по Россіи повсемѣстно и весь годъ“. А. А. Потѣхинъ, какъ предсѣдательствующій, согласился измѣнить такимъ образомъ редакцію и въ этой формѣ положено Сѣздомъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ артистахъ-евреяхъ. Мы не станемъ входить въ обсужденіе правительственныхъ распоряженій. Но быть можетъ, возможно, при нынѣшнемъ положеніи театральнаго дѣла въ Россіи, учредить какой нибудь контроль, хотя бы при Театральномъ Обществѣ и примѣнить общія начала профессиональнаго труда, дающаго еврейско-артистамъ право повсемѣстнаго жительства. Ибо иначе выходятъ совсѣмъ уже странно: цеховой саножникъ-еврей тащется сапоги гдѣ угодно, а цеховой артистъ-еврей можетъ служить только въ чертѣ осѣдлости. Самый убѣжденный антисемитъ что можетъ возразить противъ такого явнаго нарушения логики? Вотъ почему, я думаю, Театральное Общество обязано, не дожидаясь учрежденія корпораціи, зарегистрировать всѣхъ артистовъ-евреевъ и ходатайствовать о предоставленіи имъ свободнаго проживанія по всей Имперіи.

Н. Р.

* * *

Сезонъ въ Озеркахъ закончился, хотя еще предстоятъ два — три сверхкомплектныхъ спектакля. Послѣдніе три спектакля были отданы бенефисамъ М. М. Блюменталь-Тамаринной, А. В. Анчарова-Эльстона и Е. М. Грановской. Г-жа Блюменталь-Тамарина поставила «Заза», съ г-жей Холмской въ заглавной роли. Роль Анаиса, матери Заза, играла бенефициантка. Для бенефиса г. Анчарова-Эльстона возобновленъ былъ «Уриель-Акоста», котораго г. Анчаровъ играетъ, кажется, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ жизни. Г-жа Грановская остановилась на старой мелодрамѣ «Сестра Тереза», въ которой съ присущими ей мягкостью и теплою играла роль Гульдены. Въ матеріальномъ отношеніи всѣ три бенефиса были не изъ блестящихъ.

* * *

Въ театрѣ Тумпакова, въ бенефисъ режиссера Я. В. Самарина, была поставлена въ первый разъ новая пьеса С. І. Трефилова «Деньги». Содержание этой «драмы», какъ называлъ авторъ свою пьесу, слѣдующее.

Нѣкто Вандаловъ — «скупой рыцарь» на современной подкладкѣ — скопилъ значительное богатство, которое хранилъ частью въ ящикахъ шкафа, стоявшаго въ столовой, частью въ погребѣ. Въ началѣ 1-го акта Вандаловъ, какъ и баронъ у Пушкина, ведетъ рѣчь на тему, что «отсель править міромъ» можетъ онъ и пр. Его разсужденія прерываетъ пріѣздъ воспитаника, Николая Ефимова, столичнаго палочая. вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и бывший актеръ — Пѣвцовъ, который сильно напоминаетъ по своимъ ухваткамъ и манерамъ Робинзона Островскаго, только Пѣвцовъ еще болѣе гадокъ, и къ

тому же — негодяй первой руки. Это «злой гений» Ефимова. Ефимовъ пріѣхалъ къ Вандалову за деньгами, но тотъ въ рѣзкой формѣ отказываетъ. Тогда Ефимовъ начинаетъ дѣйствовать черезъ жену Вандалова, добрую женщину, любящую Ефимова, какъ сына. Ефимовъ разводитъ передъ ней турусы на колесахъ, и въ концѣ концовъ, добивается того, что она уговариваетъ мужа дать Ефимову 100 руб. По 100 руб. для Ефимова слишкомъ мало, и онъ изыскиваетъ средства для того, чтобы выгнать у своего воспитателя новую сумму. На помощь является «злой гений» Пѣвцовъ, который совѣтуетъ Ефимову взломать шкафъ и вынуть оттуда всѣ деньги. Сказано — сдѣлано. Ефимовъ и Пѣвцовъ уѣзжаютъ, но почью влѣзаютъ въ окно, взламываютъ шкафъ и вынимаютъ деньги. Но въ это время входитъ управляющій Вандалова — Кловдинъ и, замѣтивъ грабителей, начинаетъ звать на помощь. Пѣвцовъ успѣваетъ выскочить въ окно, а Ефимовъ бросается въ спальню, находящуюся рядомъ со столовой, въ которой происходитъ все начало дѣйствія. За сценой слышенъ шумъ борьбы, паденіе лампы, крики «держки его, держки!» и пр., и сцена освѣщается заревомъ пожара.

Второй актъ переноситъ насъ въ столицу, въ квартиру Ефимова, къ которому явится его бывшій и настоящій любовница. Одна даже стрѣляетъ въ него. Является и Пѣвцовъ, который ходилъ сплавлять билеты, украденныя у Вандалова. Онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ заложить ихъ на имя... Вандаловой (почему именно на ея имя?..). Между Пѣвцовымъ и Ефимовымъ происходитъ комическая сцена, вызывающая немаложамымъ хохотъ въ публикѣ. Пѣвцовъ уходитъ.

Третій актъ насъ опять переноситъ въ квартиру Вандалова, у котораго все сгорѣло и который остался теперь нищимъ. Онъ всѣхъ подозреваетъ въ поджогѣ и кражѣ, и даже своего вѣрнаго управляющаго — Кловдина, мужа сестры Ефимова. Но жена Вандалова знаетъ истину и не хочетъ выдать Ефимова потому, что она его любитъ и до сихъ поръ.

Вдуръ появляется Ефимовъ. Это уже не прежній щеголь и кутила, а одинъ изъ тѣхъ оборванцевъ, отъ которыхъ вечеромъ приходится сторониться. Онъ пришелъ «покаяться» и, дѣйствительно, открываетъ всю правду. Въ заключеніе является полицейскій, чтобы арестовать Ефимова, замѣннаго въ какихъ-то темныхъ дѣлахъ. Но Ефимовъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

На этомъ слѣдовало бы и закончить пьесу, но авторъ присоединяетъ сюда еще четвертый актъ, мѣсто дѣйствія котораго — въ банкирской конторѣ Генриха Блюка. На просроченные билеты палъ выигранный, и все кончается къ общему благополучію.

Пьеса принадлежитъ къ тѣмъ, которыя носятъ названіе «актерскихъ». Нѣтъ въ пьесѣ ни одного исполнителя, у котораго не было бы — выражаясь актерскимъ жаргономъ — «касивныхъ» уходовъ, а у Пѣвцова ихъ даже ровно семь. Роли всѣ очень «благодарныя». Эффектовъ не оберешься. И съ этой точки зрѣнія пьеса можетъ рассчитывать на извѣстное вниманіе.

Гг. Ленетичъ (Пѣвцовъ), Бредовъ (Ефимовъ) и Митрофановъ (Вандаловъ) имѣли у мѣстной публики большой успѣхъ.

В. Л.

* * *

Въ Таврическомъ саду, 15 августа, была поставлена «Чародѣйка» Шпагинскаго, давняя полный сборъ. Роль кумы Настасія играла г-жа Марева, — актриса, выступившая за весь сезонъ только во второй разъ. Уже исполненіе Любани въ «Парской невѣстѣ» показало, что г-жа Марева обладаетъ немалыми способностями для драматическихъ ролей. «Чародѣйка» подтвердила это впечатлѣніе. Г-жа Марева и на этотъ разъ, не смотря на то, что пьеса была мало сренетована, проявила страсть, силу и искренность. Хорошо пропѣла у нея сцены 3-го дѣйствія съ старымъ княземъ Курлягевымъ и княжичемъ. Самый замыселъ, не смотря на отдѣльные промахи исполненія, свѣдѣтельствовалъ о вдумчивомъ отношеніи г-жи Маревой къ исполняемой роли. Артистка отлично распоряжается своимъ мягкимъ и звучнымъ голосомъ; кстати, она и умѣетъ читать стихи, далеко не часто встрѣчается. Изъ остальныхъ исполнителей отмѣтимъ гг. Дьяконова, Никольскаго, Головинскаго и въ особенности г. Петропавловскаго, который обратилъ на себя вниманіе выдержаннымъ исполненіемъ роли бродяги Паисія. Въ общемъ же, въ этомъ спектаклѣ «Чародѣйки» отсутствовалъ общій тонъ. Отдѣльно всѣ были недурны, но шли какъ будто въ разбродъ, что можно объяснить недостаточностью сренетовки.

* * *

Попечительство о народной трезности просило Городское Управление передать устройство народныхъ гуляній на Сырной и Пасхальной недѣляхъ въ его вѣдѣніе на 5 лѣтъ съ правомъ сдачи мѣста въ аренду подъ ларьки, карусели и т. н., съ тѣмъ чтобы по истеченіи 5 лѣтъ срокъ этотъ былъ продолженъ. Управа соглашается передать устройство гуляній попечительству только на 5 лѣтъ, безъ продленія этого срока.

* * *

Гуэрреро.

Среди иностранных «этуалей», как их величают на кафе-штанном жаргонѣ, выделяется, бесспорно, испанка Гуэрреро, появляющаяся на сценѣ «Акваариума». Это—очень колоритная исполнительница испанских танцевъ. У нея весьма граціозныя движенія, а главное большая легкость или, какъ выражаются балетоманы, «баллонъ» въ танцахъ. Несомнѣнно, что это хореграфическій талантъ, хотя, быть можетъ, пошедшій по ложной дорогѣ.

* * *

Намъ доставленъ отчетъ С.-Петербургскаго городского попечительства о народной трезвости за 1898 г. Пока мы ограничиваемся только передачею фактическихъ данныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя нуждаются въ комментаріяхъ и разъясненіяхъ. Первое засѣданіе комитета происходило 15 января 1898 г., на которомъ рѣшено было открыть въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ рядъ общедоступныхъ и народныхъ

развлеченій, конечною цѣлью которыхъ должно было быть «водвореніе въ народѣ не безусловнаго воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ, а разумнаго, умѣреннаго и равномернаго ихъ употребленія». Въ этомъ же засѣданіи было сообщено, что министръ финансовъ уведомилъ попечительство объ открытіи кредита въ размѣрѣ 100.000 р. на расходы попечительства въ 1898 г. Затѣмъ былъ объявленъ утвержденный составъ попечительства. Для начала было исходатайствовано разрѣшеніе отъ подлежащаго военнаго начальства воспользоваться манежами: Михайловскимъ и юнкерскаго пѣотнаго училища. Въ теченіи января, февраля, ноября и декабря—попечительство, по необходимости, должно было ограничиться устройствомъ развлеченій только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ означенныхъ манежахъ. Посѣтителей было за это время: въ Михайловскомъ—217.605 и въ манежѣ юнкерск. учил.—86.542 человѣка. Приходъ въ обоихъ манежахъ равнялся 48,039 р. 75 к. Расходъ—44,336 р. 08 к., Приходъ—3,703 р. 67 к.

Передъ наступленіемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ попечительство выхлопотало отъ городского управления разрѣшеніе на устройство гуляній въ Александровскомъ, Петровскомъ и Екатерингофскомъ паркахъ. Предсѣдатель же просилъ Кабинетъ Его Императорскаго Величества объ уступкѣ части Таврическаго сада. Просьба была уважена и лѣтомъ попечительство открыло свои дѣйствія въ слѣдующихъ мѣстахъ:

- 1) Въ Таврическомъ саду (отведена часть роскошнаго Таврическаго сада, въ размѣрѣ 5000 кв. саж.). Гулянія были открыты въ іюнѣ и давались ежедневно до 3 октября. За это время посѣтителей было 270,485 человѣкъ. Приходу Тавр. садъ далъ 55,522 р. 74 к., расходу было 50,751 р. 81 к. Сюда, разумѣется, не входитъ расходъ на обзаведеніе театра и сада, который достигъ до 60.065 р. 66 к. Такимъ образомъ Тавр. садъ за три съ половиною мѣсяца далъ прибыли 4,779 р.
- 2) Въ Екатерингофскомъ саду, на участкѣ, арендованномъ у города И. А. Дурдинимъ и уступленнымъ имъ, подъ условіемъ уплаты попечительствомъ въ городскую кассу арендной платы. На этомъ участкѣ уже имѣлись театръ, эстрады и павильонъ. Комитетъ произвелъ нѣкоторыя перестройки и усиливъ электрическое освѣщеніе. Гулянія давались съ 1 мая по 1 сентября ежедневно. За это время посѣтителей было—124,691 человѣкъ. Израсходовано на перестройку 14,430 р. 4 к. Приходу (плата съ посѣтителей, аренда за буфетъ и пр.)—23,564 р. 12 к., расходу по устройству гуляній—27,822 р. 44 к. Убытокъ—4,258 р. 32 к.
- 3) Въ Полуостровѣ, гдѣ уже имѣлись театръ, эстрады и пр. Развлеченія здѣсь устраивались 3 раза въ недѣлю, съ мая по сентябрь. Посѣтителей 32,740 чел. Приходъ былъ—7,701 р. 66 к. Расходъ—11,442 р. 83 к. Убытокъ—3,741 р. 17 к.
- 4) Въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ были устроены бесплатныя

гулянія, привлекавшія по праздникамъ не менѣе, какъ по 20 тысячъ человѣкъ. Расходъ—3,548 р. 75 к.

Послѣ лѣтнаго сезона, попечительство, убѣдившись, что Петровскій паркъ представляетъ наиболѣе подходящее мѣсто для устройства гуляній, вошло въ сношеніе съ городскимъ управленіемъ объ уступкѣ части названнаго парка.

Признавая необходимымъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи хотя бы, на первый разъ, одно зданіе, которое, отвѣчая нуждамъ попечительства могло бы служить постояннымъ и неизмѣннымъ центромъ всей дѣятельности комитета, попечительство обратилось съ ходатайствомъ къ министру финансовъ объ уступкѣ одного изъ зданій на бывшей Всероссийской выставкѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Это ходатайство было уважено и въ распоряженіе комитета попечительства были предоставлены на выборъ художественный или машинный отдѣлы бывшей выставки, причѣмъ отъ министерства финансовъ ассигновано на перевозку и приспособленіе зданій въ Петербургѣ—200.000 р., если будетъ взято зданіе художественнаго отдѣла, и 300.000 р., если будетъ взято машинный отдѣлъ. Комитетъ выбралъ художественный отдѣлъ и поручилъ перевозку его подрядчику, строившему это зданіе на выставкѣ.

Кромѣ того, комитетомъ были приобретены два каменныхъ зданія посуднаго и горшечнаго заводовъ, расположенныхъ по Обводному каналу, у Шлиссельбургскаго проспекта. Мѣстность подъ этими зданіями снята въ аренду на 24 года. Одно изъ упомянутыхъ мѣстъ было передѣлано и приспособлено для театра, постройка котораго уже окончена въ 1899 году. Другое зданіе предназначено для ночлежнаго дома и пріюта для пріѣзжающихъ въ столицу рабочихъ.

Помимо самостоятельнаго устройства развлеченій попечительство отзывалось и на нужды другихъ устройствъ народныхъ развлеченій. Такъ, Невскому обществу устройствъ развлеченій, существующему уже болѣе 10 лѣтъ, комитетъ попечительства выдалъ 2,500 р., съ обязательствомъ устроить гулянія на масляной и пасхальной недѣляхъ 1898 г.

Затѣмъ въ 1898 г. комитетъ выхлопоталъ отпускъ изъ Министерства Финансовъ субсидіи въ 60.000 р. на окончаніе постройки театра Невскаго общества.

Со стороны правительственныхъ учреждений и лицъ, а также нѣкоторыхъ общественныхъ и частныхъ учреждений, попечительство пользовалось извѣстными льготами. Такъ былъ уменьшенъ благотворительный сборъ въ пользу вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, который съ попечительства брался въ размѣрѣ 1% съ входной платы.

Главное Управленіе Удѣловъ сдѣлало распоряженіе о бесплатномъ печатаніи афишъ попечительства. Петербургскій градоначальникъ освободилъ попечительство отъ уплаты денегъ за наряды по театрамъ полицейскихъ и пожарныхъ.

Наконецъ, общество драматическихъ писателей сдѣлало попечительству значительную скидку съ авторскихъ.

Въ отчетномъ году всего было приходу—1,243,590 р., 69 к., расходу—1,034,742 р. 45 к. Посѣтителей по всѣмъ садамъ кромѣ Петровскаго парка было 732,093 человѣка.

Вл. Л.—ій.

Милостивый государь

Иванъ Ивановичъ Передовой.

(Изъ записной книжки).

I.

— Господинъ Передовой, доложилъ разсылный редактору провинціальной газеты „Вой“, и передалъ цвѣтную визитную карточку съ миниатюрнымъ портретомъ.

— Это еще кто?.. А-а-а! добродушно улыбался, протянулъ редактору,—Меркурій летучаго отряда артистовъ. Хорошо, пусть подождетъ. Голубчикъ, не можешь ли ты побесѣдовать съ этимъ субъектомъ, обратился редактору ко мнѣ, передавая курьезную карточку.

— Я?

— Сдѣлай милость, выручи, я занятъ по горло, а отъ этого господина не скоро отдѣлаешься. Пожалуйста!

— Изволь.

Я вышелъ въ контору, гдѣ среди разнаго люда сразу почувствовалъ и узналъ виновника, нарушившаго нашу дѣловую бесѣду.

— Вы господа редактору? записывающе лепеталъ субъектъ въ черномъ помятомъ сюртукѣ, отъ котораго разило немилосердно дешевыми московскими духами.

— Нѣтъ, по редактору поручилъ мнѣ..

— Прибѣгаемъ къ вашему сочувствію и покровительству. Не откажите воспроизвести на страницахъ вашей многоуважаемой газеты эти отзѣвы столичной и провинціальной прессы о предстоящихъ гастроляхъ нашей труппы.

При этомъ ласково улыбающийся субъектъ подалъ мнѣ пачку „вырѣзокъ“ изъ различныхъ газетъ и громадныхъ размѣровъ афишу.

И даже вскрикнулъ.

— Да вѣдь здѣсь матеріала на цѣлую педѣлю!

— Смѣю просить резюмировать необычайный успѣхъ единственнаго въ наши дни артиста, и только.

— Помилуйте, этого не прочтешь въ сутки, редакторъ такъ занятъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ предложить вамъ уже готовый матеріалъ...

Субъектъ вытащилъ изъ кармана пачку различныхъ амплаговъ для багажа: „Побѣдка непостижимаго и необычайнаго Драконова“, для кассы: „Билеты всеі проданы“, для театра: „Спектакль по повисившимъ обстоятельствамъ отменяется“, для уличныхъ столбовъ и иныхъ мѣсть: „Опъ ѣдетъ!“, затѣмъ съ изображеніемъ счастливаго улыбающагося лица: „Опъ прѣхалъ!“ и т. д. Наконецъ, Иванъ Ивановичъ отыскалъ заготовленный шаблонъ предварительнаго воззванія и любезно передалъ мнѣ. Начинаясь статья радостнымъ извѣщеніемъ, что нашему городу предстоитъ необычайное празднество, будетъ дано нѣсколько гастролей безподобнаго, неподражаемаго, непостижимаго и необъятнаго К. К. Драконова, о которомъ отзывы столичной и провинціальной прессы извѣстны всему просвѣщенному міру. Затѣмъ сборникъ хвалебныхъ эпитетовъ съ указаніемъ названій газетъ. Первое представленіе состоится въ воскресенье, 15-го іюня, въ лѣтнемъ театрѣ-циркѣ. Представлено будетъ въ первый разъ на здѣшней сценѣ новая знаменитая трагедія ролетура Императорскихъ и европейскихъ театровъ знаменитыхъ французскихъ авторовъ „Заколдованный шахъ“, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ и 12 картинахъ. Декораціи и костюмы сдѣланы мастерски по столичнымъ образцамъ, участвующихъ болѣе ста—100!!—человѣкъ. Дѣйствие происходитъ за три съ половиною тысячелѣтій до нашей эры, въ первомъ дѣйствіи шахъ появляется на лошади, въ 4 актѣ участвуетъ хоръ и билетъ. Хоръ исполнитъ изъ Рогіѣды соч. Сѣрова „Хоръ страшиковъ“. Роль шаха исполнитъ извѣстный московскій юбиларъ, произомъ на родину, артистъ столичныхъ и частныхъ театровъ К. К. Драконовъ. По бокамъ фамиліи были напечатаны внушительные персты, указующіе на жирный шрифтъ Драконова.

Ив. Ив. скромно-торжественно смотрѣлъ на меня, пока я просматривалъ его произведеніе.

— Хорошо, я переговорю съ редакторомъ, только едва-ли... Подождите...

— Извините, я долженъ сейчасъ же знать отвѣтъ, время не терпитъ... Ради Бога, не откажите помочь... Мнѣ еще нужно быть у полиціймейстера, у хозяина театра, кассира, агента, мебельщика, въ типографіи... Да, вотъ кетати позвольте узнать цѣну объявленій, афишъ и билетовъ въ вашей типографіи.

Проговоривъ это, Иванъ Ивановичъ, закурилъ папиросу, насушилъ глубокомысленно брови и сталъ шарать изъ угла въ уголъ, негеройливо поглядывая на стѣнные часы... Между тѣмъ въ контору редакціи вбѣжалъ юрскій господинъ, на лету обвелъ глазами присутствующихъ, какъ-бы обнюхивалъ окружающее, и сразу почувалъ Ивана Ивановича.

— Вы къ намъ съ труппою?

Иванъ Ивановичъ вступенулся.

— Да-съ, съ труппою К. К. Драконова... Передовой.

— Очень пріятно... Гвоздикъ!

— Ахъ! это вы г. Гвоздикъ! Какъ это кетати. У меня къ вамъ письмо отъ г. Крючка.

И порывшись въ своихъ необъятныхъ карманахъ, онъ вытащилъ письмо.

Гвоздикъ быстро пробѣжалъ велухъ письмо: „Дружнице Шноя! Податель сего письма славный малый, помоги ему. Твой Крючекъ“.

— Чѣмъ могу служить?

— Вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и указаніями...

— Напримѣръ?..

— Прежде всего необходимо сказать въ завтрашнемъ № привѣтственное слово по поводу нашего прѣзда...

Крючекъ вынулъ записную книжку и приготовился записать въ хроникъ мѣстныхъ событийъ предстоящія гастроли... Но Передовой горюливо вытащилъ приготовленные заранее біографическія свѣдѣнія о гастролерѣ, его взгляды на современное положеніе театра и искусства, впечатлѣніе города, состояніе здоровья, рецензіи провинціальныхъ и столичныхъ газетъ, подтверждающія колоссальный успѣхъ и т. д. Все это было изложено въ формѣ „интервью“ и заканчивалось горячимъ пожеланіемъ успѣха, въ которомъ мѣстная газета, разумѣется и не сомнѣвалась. „Мы конечно не сомнѣваемся, что и наша публика не упуститъ случая насладиться праздникомъ для всѣхъ истинныхъ любителей драматическаго искусства и наполнитъ театръ, въ которомъ уже не много осталось свободныхъ

мѣсть. Какъ мы слышали билеты берутся на-расхватъ и высокоталантливому гостю не придется сожалѣть, что онъ поспѣтилъ и пашъ скучный уголокъ“.

— И могу вамъ предложить и клише портрета Драконова. Это украситъ столбцы вашей газеты, такъ сказать, оживитъ хроникъ мѣстной жизни...

— Гмъ... гмъ... Надо поговорить... И сейчасъ... Подождите меня...

И Гвоздикъ печезъ въ дверяхъ редакторскаго кабинета.

Передовой закурилъ свѣжую папиросу и вновь зашаталъ изъ угла въ уголъ, безпокойно поглядывая на часы...

Редакторъ слушалъ выдержки рецензій о Драконовѣ, которая и ему читалъ, и добродушно смѣялся.

Въ кабинетѣ вкрадчиво вошелъ Гвоздикъ, держа въ рукахъ газету и статью, сочиненную Передовымъ.

— Я имѣлъ случай бесѣдовать съ...

— Съ высокоталантливымъ гастролеромъ К. К. Драконовымъ, перебилъ его редакторъ.— Ну-съ, дальше?

— И вотъ...

— Интервью. Дальше?

— Разрѣшаете напечатать...

— Разрѣшаю. Дальше?

— Извольте просмотрѣть...

— Въ корректуру? Прощайте!

Гвоздикъ скрылся за дверями.

— Неужели вы будете печатать весь этотъ вздоръ? спросилъ я редактора.

— Почему же нѣтъ? Вѣдь печатаютъ же другіе

— Затѣмъ же вводиться заблужденіе, извращать вкосу?

— Полноте. Кто же на эту чепуху обращаетъ вниманіе? Напрасно вы считаете такими наивными провинціаловъ. Теперь не тѣ времена, нѣкого не введешь въ заблужденіе.— Да вѣдь мы не отъ себя говоримъ всю эту чепуху, а въ формѣ интервью. Развѣ мы отвѣчаемъ за болтовню этихъ господъ? Между тѣмъ публика охотно читаетъ такіе сценки, какъ рассказы о разныхъ небывлицахъ. Въ итогъ нѣкого ничего не терять...

Гвоздикъ тѣмъ временемъ съ Передовымъ заказывали конторщику афишу, анонсы и проч. Покончивъ съ предварительными хлопотами, они направились въ рестораничекъ, чтобы „перекусить“ на скорую руку и затѣмъ соединенными силами двинуться дальше... В. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Артистическая колонія.

(Продолженіе *).

Мы очутились въ довольно большой, освѣщенной керосиновой лампой прихожей, которая въ то же время была и кухней. Огромная русская печь занимала весь „задній планъ“, какъ выразился бы мой спутникъ, а около нея во всю кляпѣлъ большой мѣдный самоваръ. На лавкахъ и деревянномъ столѣ, довершавшимъ обстановку, было брошено верхнее платье обитателей, стояли какія-то каргонки, узелки и прочая „бутафорія“. За дверью кто-то хлопоталъ, накрывая столъ, звякая чайной посудой.

— Милости просимъ во внутренніе апартаменты! сказалъ Скробковъ-Оренбургскій, съ шутовскою торжественностью пропуская меня впередъ.— Надежда Львовна, обратился онъ къ Лириной, сидѣвшей съ папиросою въ рукахъ возлѣ чайнаго стола, около котораго усердно хлопотала „обрѣтенная Гулбелмина“, освободившаяся, наконецъ, отъ тирольскаго лифа. Вотъ-съ, извольте получить... Доставилъ предъ ваши свѣтлыя очи въ цѣлости и неприкосновенности... Могутъ засвидѣтельствовать!

— Полно вамъ, Скробковъ, дурачиться; дайте мнѣ лучше огня, да помогите Анютѣ принести самоваръ... Марья Михайловна, позвольте васъ познать: N. N., артистка Колосова, наша ingenue, какъ, впрочемъ, вы и сами видѣли. Да что это вы не садитесь, все равно не выростете. Садитесь, пожа-

*) См. № 31 32 и 33.

луйста, гостемъ будете. Курите? Нѣтъ? Вотъ онѣ времена-то! Мужчины, словно красныя дѣвицы, не курятъ, не пьютъ, въ карты не играютъ... Жену, значитъ, бить станете! Давайте намъ, Маша, чаю скорѣе, а то смерть какъ пить хочется!

Скребокъвъ самолично втащилъ кипящій самоваръ, поставилъ его на столъ и сказалъ:

— Сходите развѣ за Яковомъ Ивановичемъ?

— Какъ угодно. Но, мнѣ кажется, что было бы съ моей стороны неблагодарностью не сказать вамъ, что ваше исполненіе доставило мнѣ большое удовольствіе, хотя для васъ, быть можетъ, это и совершенно лишнее. У васъ огромный талантъ; и жаль, разумеется, что онъ проявляется въ несовсѣмъ подходящей обстановкѣ.

— Скажите лучше, въ совсѣмъ неподходящей,

САМАЯ ЛУЧШАЯ РОЛЬ.

(Изъ альбома Юса Большого).

Что надо играть, чтобы прославиться?..

Гамлета?.. Но меня не оцѣнятъ.

Наполеона?.. Но онъ наскучилъ.

Лира?.. Но я больше похожъ на Менелая.

Отелло?.. Но я не ревнивъ по натурѣ.

Расплюева?.. Но такъвъ я въ жизни.

Любима Торцова?.. Но я не Садовскій.

Итакъ рѣшено: я играю «Царя Θεодора Иоанновича».

— Сходите, голубчикъ, да зовите и остальныхъ; а то у насъ, словно въ трактирѣ, такъ самоваръ со стола и не сходитъ.

„Гульельмина“ подала намъ чай, подвинула хлѣбъ, масло, молоко и опять скрылась за самоваромъ, какъ мѣсяцъ за тучей.

— Ну, будемте чай пить! Да, знаете что: уговоръ— дороже денегъ, о спектаклѣ ни слова! будемъ говорить о чемъ угодно, но только не о насъ, не о нашихъ спектакляхъ. Мы свое дѣло дѣлаемъ, какъ можемъ... хвалить насъ не за что, ну, а бранить вамъ самому будетъ целовко... Не правда ли?

проговорилъ хриплымъ, старчески разбитымъ голосомъ подошедшій сзади Яковъ Ивановичъ, сочувствующій „благороднымъ отцомъ“.

— Актеръ Шмага, позвольте представиться! въ міру звали Яковомъ Ивановичемъ Полетаевымъ. Передъ вами старая, разбитая на всѣ ноги, кляча искусства; когда-то мечтала о славѣ и о прочихъ высокихъ матеріяхъ, связанныхъ съ служеніемъ святому искусству, а нынѣ думаю только о непостыдной кончинѣ живота, да вотъ объ этихъ соврасахъ, кивнулъ онъ головой въ сторону „благороднаго отца“. — Подвинь-ка, Оедя, сливокъ отъ бѣшеной коровы! Да-съ, а на счетъ

Надежды Львовны вы справедливо! мѣсто ей не въ здѣшнихъ палестинахъ, но, увы! мѣста въ сей юдоли раздаются не по достоинству, потому что будь это такъ, то не имѣлъ бы я удовольствія съ вами здѣсь бесѣдовать, да и Надежду Львовну давно бы уже наградили монтеоновскою преміей, ибо скромна и добродѣтельна свыше мѣры... Для актрисы, я думаю, это даже и неприлично. Какъ ты полагаешь, „благородный отецъ“?

— Не моя реплика, Яковъ Ивановичъ!

— Ахъ, ты Талейрантъ! А вы, героиня, какъ думаете?

— Думаю, что вы болтаете вздоръ... Пейте лучше вашъ чай, а то остынетъ. Вы давно изъ Петербурга? обратилась она ко мнѣ.

— А вы изъ Петербурга? перебилъ меня Яковъ Ивановичъ,—хорошій городъ! Какъ это, Надинька, у Пушкина:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой стройный, строгій видъ,
Новы державное теченье,
Береговой ея гранитъ!..

продекламировалъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ, не дожидаясь отвѣта Лириной.

— Былъ. Удостоился даже дебюта, но принять не былъ... зане былъ молодъ, неопытенъ, а потому вѣрилъ въ идеалы и не зналъ, къ кому и какъ на поклонъ идти. Въ корридорѣ встрѣтилъ Николая Карловича Милославскаго.—„Ты что, спрашиваетъ, ностъ повѣсилъ?“—Отказали, говорю, вакансіи заняты, если бы вы еще, говорятъ, были трагикъ, а комиковъ не требуется. Предлагаютъ на выходы.—„А ты что?“—Отказался!—„И хорошо сдѣлалъ; плюнь ты на нихъ, подлецовъ, и поѣдемъ со мной къ Смолькову.“—А вы, спрашиваю, развѣ тоже не приняли?—„Тожо, братецъ, не принять, намъ, говорятъ, комикъ нуженъ, а вы—трагикъ! Но на выходы не предлагали, побоялись, рука у меня тяжолая“. И не много помолчавъ, Яковъ Ивановичъ, прибавилъ: А послѣ и предлагали, самъ не захотѣлъ. И глупо сдѣлалъ! добавилъ онъ съ ожесточеніемъ и принялся прихлебывать чай.

— Вы не подумайте, обратилась ко мнѣ Лирина,—что нашъ Яковъ Ивановичъ серьезно огорченъ тѣмъ, что не попалъ на Императорскую сцену и стало быть лишешъ подъ старость многихъ благополучій. Блажить. Знаете, какъ всѣ старики, начинающіе понемногу впадать въ дѣтство. Онъ отлично понимаетъ, что не прослужилъ бы тамъ и двухъ сезоновъ, какъ не могъ прослужить ихъ нигдѣ. Ну, Яковъ Ивановичъ, скажите, что это не правда?

— Правда, Надюша, правда. Да вѣдь и правда-то, какъ палка, о двухъ концахъ бываетъ, какимъ захочешь, такимъ ее и повернешь. Вѣдь если правда, что голодный соловей поетъ лучше сытаго, то, пожалуй, и мы, бездомовные пасынки искусства, ближе знаемъ и тоньше чувствуемъ его таинственную красоту, дающую то идеальное самоудовлетвореніе, способность къ которому настоящій артистъ, какъ бы, утрачиваетъ, переходя въ разрядъ каплуновъ, откармливающихся на казенныхъ хлѣбахъ.

— Но, согласитесь сами, Яковъ Ивановичъ, возражаю я, что ваше опредѣленіе „настоящаго артиста“ не отличается большой точностью и можно назвать много артистическихъ именъ, которымъ казенные хлѣба, какъ вы изволили выразиться, не помѣшали остаться настоящими артистами, да еще съ Божіей помощью совершенствовать свои дарованія, напримѣръ.

— Увольте, голубушка, простите, не помню вашего имени и отчества, я и самъ вамъ ихъ по пальцамъ пересчитаю, но развѣ это доказательство? Да—таланты, но большой талантъ есть даръ Божій. Та-

лантъ не есть, батенька, личная привилегія и не можетъ быть обращенъ въ капиталъ, на который идутъ проценты. А въ наше спекулятивное время именно такъ и дѣлаютъ. Что-жъ, позвольте васъ спросить, такъ влечетъ ихъ въ столицу? Репертуаръ тамъ художественнѣе? Больше свободы артистической индивидуальности? Волѣе чуткая и просвѣщенная аудитория, какъ нынче пишутъ въ газетахъ?

— Но позвольте, Яковъ Ивановичъ, вѣдь и въ провинціи то же самое, разница только та, что провинція всегда идетъ въ хвостъ у столицъ, но имѣя за собой даже преимущества инициативы.

— А почему? Потому что все вліятельное, все ярко-оригинальное, все владыкующее инициативой и могущее ее проявить, все это убѣжало въ столицу на поклоненіе золотому тельцу, обезличилось въ этомъ поклоненіи и внесло это обезличеніе въ провинцію, прикрывая его своимъ обаяніемъ, былымъ авторитетомъ своего имени и своей артистической репутации. Для современной театральнѣ публики особенно въ центрахъ просвѣщенія, актеръ не составляетъ части цѣлаго, какъ музыкантъ въ симфоническомъ оркестрѣ, а само это цѣлое. Она идетъ смотрѣть, какъ извѣстный актеръ играть свою роль, а не какъ разыгрывается пьеса въ цѣломъ, въ смыслѣ художественнаго произведенія. И чѣмъ рѣзче игра фаворита расходится съ игрой остальныхъ участниковъ спектакля, тѣмъ болше ему чести и славы, и тѣмъ болше онъ имѣетъ успѣха. Поступокъ, за который оспаривали бы гениальнаго музыканта, вѣнчаются актерю въ заслугу. Вотъ почему сильная, просвѣщенная и преданная дѣлу артистическая личность очень много могла бы принести пользы, если-бы захотѣла стать выше спекулятивныхъ разчетовъ въ современно-театральныхъ фальшивыхъ монетчиковъ... Возьмите напримѣръ, Иванова-Козельскаго... Развѣ онъ не поучительнѣе? Вѣдь онъ, Митроша, писарекъ, вотъ не лучше нашего Оеда („благородный отецъ“ даже порозовѣлъ отъ удовольствія), а что онъ сдѣлалъ? Онъ снова вернулъ искусство въ старую колею и никакія современныя теченія не могли сладить съ обаяніемъ таланта. И когда это было? въ самый разгаръ опереточнаго бѣснованія. И вотъ, батенька, всѣ короткія юбки оказались безсилны передъ священнымъ огнемъ, пылавшимъ въ груди этого военнаго писаря и благородный образъ Гамлета снова явился на театральныхъ подмосткахъ... Старыя пѣсни! Священный огонь... и прочія украшенія отжившей театральнѣ рутинѣ! Подумаете, быть можетъ, вы, милостивый государь, подумавши такъ — ошибетесь... Но риторическія это фигуры. Онъ, Митроша, царство ему небесное, именно пылалъ, какъ факель въ пощи, покуда друзья-пріятели, а главное пріятелиницы не залили послѣднюю его искру шампанскимъ и грязью... Жестокія правы, что говоритъ!

— Все это, можетъ быть, справедливо, но должно же искусство двигаться впередъ? Довлѣетъ диеви злоба его! А затѣмъ онятъ-таки странно, что ни талантъ, а катастрофа, да и катастрофа-то все на одинъ ладъ.

Н. Николаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Гостившая въ Вѣнѣ берлинская труппа окончила свои спектакли представлениемъ двухъ пьесъ, которыя, по выраженію вѣнскихъ газетъ, вполне характеризуютъ современную драму; пьесы эти—«Праздникъ мира» Гауптмана и «Власти тьмы» Толстого. Сопоставленіе драмъ нѣмецкаго и русскаго авторовъ даетъ поводъ вѣнскимъ критикамъ выразить свое сужденіе о сходствахъ и различіяхъ въ творчествѣ обоихъ писателей, а также объ основныхъ свойствахъ, характеризующихъ современныя драматическія произведенія. Подробный анализъ обѣихъ пьесъ и характеристику обоихъ писателей находимъ мы въ статьѣ Фридриха Шютца, помѣщенное въ «Neue Freie Presse».

Въ обѣихъ пьесахъ,—говоритъ авторъ,—изображается опустѣвшій домашній очагъ и съ ужасающей ясностью передаются чувства дѣйствующихъ лицъ; родственныя черты проявляются въ личности молодого нѣмецкаго поэта и въ физиономіи стараго чужеземнаго писателя. Но дикая энергія русскаго автора пріобрѣтаетъ у его подражателя болѣе смягченное выраженіе. Толстой всегда и вездѣ рѣзокъ; Гауптманъ доступенъ слабостямъ даже тамъ, гдѣ, какъ въ «Ткачахъ», онъ бьетъ набатъ.

Этихъ слабостей,—говоритъ Шютцъ,—совершенно нѣтъ въ драмѣ гр. Толстого; авторъ «Власти тьмы» не золотитъ и не прикрашиваетъ ничего; онъ и не утрируетъ умышленно (будто?) своихъ впечатлѣній. Во «Власти тьмы» нѣмецкій критикъ видитъ «живую русскую степь», которая дышетъ унылой меланхоліей; здѣсь знакомятся онъ съ молчаливыми обитателями, «которые неспособны смѣяться и лишь могутъ ухмыляться», узнаетъ ихъ гнетущую нужду, а также и причины «тьмы» (будто?) имѣющей такую могучую власть и такія роковыя послѣдствія. Переходя потомъ къ подробному анализу пьесы, критикъ дополняетъ свое изложеніе письмомъ одного лица, близкаго къ автору «Власти тьмы» и знакомаго съ тѣми условіями, при которыхъ писалась пьеса. Въ общемъ, г. Шютцъ не сказалъ ничего новаго и оригинальнаго.

Г-жа Давыдова помѣстила во «Франкфуртской Газетѣ» воспоминанія о послѣднихъ годахъ жизни Антона Григорьевича Рубинштейна, въ особенностяхъ о времени, проведенномъ знаменитымъ артистомъ и композиторомъ за границей.

«Съ весны 1892 года по апрѣль 1893, во время моего пребыванія въ Дрезденѣ, я имѣла частые случаи встрѣчаться съ Антономъ Григорьевичемъ въ гостиницѣ Зевдига *Vogel'scher Hof*. Само собою разумѣется, что содержатель гостиницы отнесся очень предупредительно къ желанію Рубинштейна жить у него уже изъ-за того, что имя Рубинштейна украситъ списокъ его жильцовъ. Онъ даже согласился на нѣкоторыя частыя непріятныя условія, напримѣръ, на то чтобы въ тѣ часы, когда Рубинштейнъ былъ дома, въ сосѣднихъ комнатахъ была воспрещена музыка. Однажды я встала Рубинштейна въ необыкновенно дурномъ настроеніи, причины котораго онъ не хотѣлъ сообщить мнѣ. Это настроеніе все ухудшалось, пока онъ, наконецъ, не выдержалъ и воскликнулъ: «Мнѣ кажется, что дѣйствительно приходится снова отсюда съѣхать». Дѣло объяснилось тѣмъ, что рядомъ съ его комнатой жила жена какого-то посланника, которая, вѣроятно, питала желаніе, чтобы знаменитый сосѣдъ похвалилъ ее за игру и потому по цѣлымъ днямъ донимала Рубинштейна своею игрой, то соло, то съ аккомпаниментомъ скрипки. Чтобы несчастіе было еще полнѣе, она играла пьесы Антона Григорьевича, чего онъ не могъ выносить. Онъ невольно прислушивался къ звукамъ за стѣной, не могъ работать, приходилъ въ раздраженіе и рѣшилъ съѣхать. Но при первомъ намекѣ хозяину гостиницы, послѣдній принялъ немедленно мѣры, чтобы заставить черезчуръ усердную дилетантку прекратить игру или покинуть его гостиницу. Госпожа эта ужасно обидѣлась и на другой же день очистила комнату. Рубинштейнъ былъ спокоенъ».

«Въ Дрезденѣ Рубинштейнъ занималъ двѣ комнаты—спальню и большой рабочій кабинетъ, на столѣ котораго лежала всегда большая стопа потной бумаги и нѣсколько карандашей. Когда приходили гости, онъ исписанный нотный листъ прикрывалъ бумагой. Порядокъ на столѣ былъ педагогичный. Онъ много работалъ и читалъ. Подъ большою, плохую картиною стоялъ рояль Бехштейна.

Каждый день былъ строго распорядленъ, и отъ этого порядка Рубинштейнъ отступалъ только въ крайнихъ случаяхъ. Онъ вставалъ всегда въ 8 часовъ утра. Когда бы ни легъ накануне, выпивалъ стаканъ чаю и читалъ иностранныя газеты. Странно было, что Рубинштейнъ, не смотря на то, что вставалъ такъ рано, никогда не зажигалъ утромъ свѣчи. Искусственный свѣтъ онъ ненавидѣлъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТАГАНРОГЪ. Лѣтній сезонъ уже приходитъ къ концу, а между тѣмъ таганрожцамъ въ теченіи слишкомъ 5 мѣсяцевъ не пришлось видѣть на сценѣ нашего театра ничего маломальски сноснаго, если не считать труппы коршевскаго театра подъ управленіемъ артиста Грекова, которая дала здѣсь только 3 спектакля и то безъ особаго успѣха. Не было и обычныхъ въ прежніе годы концертовъ столичныхъ артистовъ, не было и оперы, которая бывало въ теченіе лѣтняго сезона заглядывала къ намъ по два и даже по три раза. Театръ пустуетъ въ ожиданіи зимняго сезона, на который таганрожцы возлагаютъ большія надежды, рассчитывая, что г. Синельниковъ, какъ антрепренеръ опытный и умѣлый, дастъ приличную труппу и разумный репертуаръ. Пріѣхала къ намъ было оперетка подъ управленіемъ г-жи Дагмаровой, но послѣ третьяго спектакля должна была немедленно убраться изъ Таганрога. Труппа оказалась настолько плохой, что таганрожцы, большіе любители каскаднаго жанра, послѣ втораго спектакля окончательно разочаровались. Всего было поставлено 3 пьесы: «Продавецъ птицъ», съ участіемъ г-жи Троцкой, «Гейша» и «Рудокобы».

Лѣтнія развлеченія Таганрога заслуживаютъ, впрочемъ, нѣкотораго вниманія. Они—новинка для Таганрога и подробности ихъ возникновенія довольно характерны. Есть у насъ городской садъ, который обыкновенно сдается арендатору съ обязательствомъ содержать приличный струнный оркестръ. Въ прошломъ году на аренду сада явилось нѣсколько соискателей, при чемъ въ пылу конкуренціи цѣна была увеличена до 6,000 руб. за сезонъ противъ прежнихъ 2,000 руб. Садъ остался за рестораторомъ Ханамировымъ, пригласившимъ довольно порядочный оркестръ изъ 27 человекъ, подъ управленіемъ г. Молла. Однако, арендаторъ, плохо рассчитывая на поддержку со стороны оркестра, рѣшилъ завести болѣе надежную приманку и устроилъ открытую сцену, на которой начали подвизаться кафе-шантаннныя пѣвицы, акробаты, чтецы, куплетисты и пр. Такимъ образомъ *Городской* садъ превратился въ патентованный кафе-шантанъ. Таганрогскія дамы пришли въ неописуемое волненіе. Въ семейномъ саду начали раздаваться визгиванія, въ кабинетахъ пьяный смѣхъ пѣвичекъ, которыхъ не замедлили окружить таганрожцы различнаго возраста и состоянія. Дамы обратились было въ Городскую Управу съ ходатайствомъ о закрытіи кафе-шантана, такъ какъ онъ, молъ, развращаетъ ихъ мужьявъ и вообще деморализируетъ нравы. Но Управа, покровительствуя антрепренеру, оставила ходатайство безъ удовлетворенія. Тогда дамы обратились съ коллективнымъ прошеніемъ къ г. войсковому наказному атаману, умоляя изгнать изъ приличнаго семейнаго сада разгулъ и развратъ, насаждаемый кафе-шантаномъ. Атаманъ распорядился немедленно закрыть злополучный шантанъ къ величайшему удовольствію мѣстныхъ дамъ и къ большому огорченію ихъ супруговъ. Но огорченіе продолжалось не долго. Послѣ ряда ходатайствъ запрещеніе было снято, но съ тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, на сценѣ не исполнялись номера кафе-шантаннаго характера и, во-вторыхъ, чтобы открытая сцена была огорожена высокимъ заборомъ съ воспрещеніемъ входа въ загородку учащимся, такъ что de facto все осталось какъ и было: и коротенькія плятьи, и голыя ноги и руки, и пошлые куплеты и разгулъ до утра послѣ кратковременнаго пѣнія. Но конкуренты Ханамирова однако не дремали. Другой рестораторъ, Багдасаровъ, заарендовалъ небольшую садъ коммерческаго собранія, выстроилъ ротонду и пригласилъ два оркестра музыки, оба военные. Затѣмъ онъ устроилъ также открытую сцену съ неизбѣжнымъ высокимъ заборомъ, пригласилъ еще болѣе «забористыхъ» пѣвицъ и пѣвцовъ и перетянулъ почти всю публику къ себѣ. Такимъ образомъ въ городѣ, въ которомъ никогда не было ни одного кафе-шантана, стало вдругъ сразу два. И оба охотно посѣщаются. И въ обѣихъ царитъ голоножіе, пошлость и глупость. Таганрогскіе жуиры съ такимъ-же усердіемъ устраиваютъ оваціи кафе-шантаннѣмъ безголовымъ и бездарнымъ куплетистамъ, съ какимъ они зимой чествуютъ нашихъ драматическихъ актрисъ. Въ оправданіе, ссылаются на столицу. Тамъ, молъ, кафе-шантаны раскинули сѣти по всѣмъ направленіямъ. Но они забываютъ, что въ столицахъ на яру сѣ кафе-шантанами процвѣтаетъ и серьезный театръ, а у насъ оно находится въ самомъ печальномъ состояніи. У насъ зимою театръ почти всегда пустовалъ, а теперь кафе-шантаны почти всегда переполнены. Посчитайте, сколько, значить, Таганрогъ тратитъ на эту гадость денегъ, если содержаніе обѣихъ открытыхъ сценъ обходится до 10 т. руб. ежемѣсячно. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить стоимость дорогихъ подношений, постоянныхъ кутежей съ хористками и пр. Вотъ куда уходятъ деньги таганрожцевъ въ то время какъ на содержаніе приличной драматической труппы у нихъ не хватаетъ средствъ.

А. Борисовъ.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Оперные спектакли въ большомъ ярмарочномъ театрѣ открылись перваго августа «Жизнью за Царя» и идутъ ежедневно, неизмѣнно привлекая много публики. Какъ и въ предыдущіе годы, труппа сформирована гг. Любинымъ и Салтыковымъ весьма умѣло. Рядовые пѣвцы и пѣвицы приличны, оркестръ находится въ рукахъ талантливаго и опытнаго г. Эспозито, хоры разучены стройно, притягательную силу имѣютъ знакомые уже нижегородцамъ гастролеры г. жа Эйгенъ и г. Яковлевъ. Участіе этихъ артистовъ въ спектаклѣхъ обезпечиваетъ всегда хорошіе сборы. Г. Яковлевъ очаровываетъ по прежнему публику своимъ выразительнымъ пѣніемъ и изяществомъ манеръ. Голосъ его звучитъ прекрасно, и появленіе его на сценѣ сопровождается «шопотомъ восторга» прекрасныхъ слушательницъ, столь постоянныхъ въ своихъ симпатіяхъ. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» артиста вызывали безконечное число разъ и заставили 4 раза повторить: «увы! сомнѣнія нѣтъ». Г-жа Эйгенъ—превосходная партнерша г. Яковлева. Голосъ ея полонъ чистыхъ и пѣжныхъ звуковъ, особенно въ верхнемъ регистрѣ, и чаруетъ публику обаятельной свѣжестью и прелестью выраженія. Есть что-то задумчивое, трогательное въ ея передачѣ лирическихъ мѣстъ. Шумный успѣхъ артиста имѣла въ «Русланъ и Людмила», гдѣ, противъ обыкновенія, исполняла партію Гориславы, затѣмъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (сцена съ письмомъ) и въ роли Тамары. Артистка поетъ третій сезонъ у насъ, но съ каждымъ разомъ завоевываетъ большія и большія симпатіи. Кажется, два раза пѣлъ еще третій гастролеръ г. Орловъ, котораго дирекція объявляла «первымъ баритономъ московской оперы», но, несмотря на этотъ титулъ, столь великодушно присвоенный пѣвцу на афишахъ, первый баритонъ нервнотеннаго успѣха не имѣлъ. Изъ рядовыхъ пѣвцовъ выдѣляются недурными голосами г-жи Боброва-Перейферъ и Астафьева, а изъ мужскихъ исполнителей слѣдуетъ отмѣтить гг. Сангурскаго, Парамонова (басы) и Булатова (теноръ). Г. Сангурскій обладаетъ красивой и выразительной манерой пѣнія и имѣлъ большой успѣхъ въ «Жизни за Царя». Гг. Парамоновъ и Булатовъ еще молодые пѣвцы; у нихъ чувствуется недостаточнѣ сценическаго навыка, но время сгладитъ этотъ недостатокъ. Первая теноровая партія (Синодала, Ленскаго и др.) пока поетъ г. Любинъ. Голосъ его не лишенъ пріятности, поетъ выразительно, но пѣвца часто не хватаетъ при исполненіи трудныхъ партій. Ожидается, впрочемъ, прібытіе тенора г. Давыдова, которому, вѣроятно, будетъ уступлена наибольшая отвѣтственная часть теноровыхъ партій.

За время по 10-е августа были поставлены: «Жизнь за Царя», «Демонъ» (2 раза), «Князь Игорь», «Евгеній Онѣгинъ» (2 раза), «Робертъ-Дьяволъ», «Русланъ и Людмила», «Фаустъ» и «Дубровскій». Сборы очень хорошіе. Кромѣ вечернихъ спектаклей товарищество ставитъ утренники по весьма доступнымъ цѣнамъ (отъ 10 коп.), которые охотно посѣщаютъ простой публикой и учащимися. Эти спектакли оказываютъ ярмарочному поселенію ту услугу, что до нѣкоторой степени отвлекаютъ отъ разгула и разврата на Самокатской площади. Къ сожалѣнію, ярмарочное управленіе никакой поддержкой въ этомъ добромъ начинаніи частной антрепризѣ не оказываетъ и, надо думать, утренніе спектакли никакой прибыли послѣдней не приносятъ. Существуетъ еще одинъ довольно чувствительный для дирекціи тормазъ—это вниманіе непомѣрно высокому авторскаго гонора агентамъ общества русскихъ писателей. Этотъ гонораръ особенно стѣсняетъ дирекцію театра при постановкѣ оригинальныхъ русскихъ оперъ для народа, такъ какъ за оригинальную оперу приходится улачивать въ среднемъ около ста рублей авторскаго гонора, между тѣмъ какъ полный сборъ отъ утренника не превышаетъ 700 рублей. На этотъ тяжелый налогъ необходимо обратить вниманіе, такъ какъ онъ парализуетъ добрыя начинанія частной антрепризы, и безъ того обремененной громадными расходами. Всякому извѣстно, какъ легко прогораютъ частныя оперныя антрепризы, лишенные субсидій.

Опереточная труппа подъ управленіемъ г-жи Ахматовой закончила свою дѣятельность еще до 1-го августа. Отсутствие организаціи въ труппѣ и масса недочетовъ были причиною весьма слабыхъ сборовъ, не смотря на поддержку мѣстной печати.

НОВОРОССИЙСКЪ. Съ отъѣздомъ малорусской труппы г. Суходольскаго, послѣ 2-хъ недѣльнаго перерыва, спектакли нашего драматическаго товарищества возобновились 29-го іюня. Въ теченіе іюля мѣсяца дано было 14 спектаклей: «Джентльменъ», «Воровка дѣтей», «Клятвоступникъ» (бен. г. Покровскаго), «Сестра Тереза», «Чужіе», «Цѣна жизни», «Ревизоръ», «Новое дѣло», «Невинно-осужденный» (бен. г-жи Яблочковой), «Казнь» (бен. г. Дагмарова), «Русская свадьба» (при участіи капеллы г. Славянскаго), «Бѣдность не пороку», «Тайна» и «Столичный воздухъ». Сборы средніе. Взамѣнъ вышедшихъ изъ состава т-ва г-жи Стальской и г. Рахманова приглашены гг. Ильковъ и Череповъ-Орловскій, пользующіеся успѣхомъ.

Дважды наше товарищество покушалось играть въ г. Анапѣ (въ 45-ти вер. отъ Новороссійска), гдѣ было дано 4 спектакля: «Родина», «Девятый валъ», «Трильби» и «Казнь». Къ со-

жалѣнію, обѣ поѣздки оказались въ общемъ безрезультатны, такъ какъ мѣстные и пріѣзжіе любители буквально заполнили двѣ клубныхъ сцены, гдѣ играютъ по 2 раза въ недѣлю и танцуютъ... почти каждый день. По-неволѣ, приходится съ ними считаться, а для того, чтобы въ Анапѣ могъ «осѣсть» актеръ, нужна долгая и упорная борьба...

Въ концѣ іюля афиши возвѣстили новороссійцамъ, что «проѣздомъ» товарищество естербургскихъ артистовъ во главѣ съ гг. Давыдовымъ, Аполлонскимъ и г-жей Стравинской дастъ два спектакля въ зимнемъ помѣщеніи 2-го общественаго Собранія. Объявлены были пьесы: «Ревизоръ», «Безчестные» и «Женихъ изъ долговаго отдѣленія». Первый спектакль пришлось перенести на другой день, а второй и вовсе отмѣнить, по причинѣ отсутствія сбора. Намъ довелось присутствовать на «Ревизорѣ». Исполненіе г. Давыдовымъ роли городничаго весьма извѣстно, антуражъ же его сопровождающей былъ весьма посредственный; видно, что труппа набрана пискоро.

ТИФЛИСЪ. 1 августа начались у насъ гастролы В. П. Давыдова и Аполлонскаго съ участіемъ г-жи Стравинской и г. Парамонова. Столичные гости поставили 8 спектаклей: «Ревизоръ», «Безчестные» и «Женихъ изъ долговаго отдѣленія», «Женитыба» и «Женихъ», «Горе отъ ума», «Свадьба Крешинскаго», «Новый мѣръ» (2 раза) и «Сверхъ комплекта» (бенефисъ г. Давыдова).

В П. Давыдовъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ намъ пришлось его видѣть послѣдній разъ (въ 1892 г.). Для Подколесина онъ нѣсколько отяжелѣлъ, но все же проводить роль художественно.

Къ сожалѣнію, труппа, окружающая г. Давыдова, далеко не высокаго качества и поэтому общій ансамбль не производитъ должнаго впечатлѣнія. «Горе отъ ума», вприм., прошло въ исполненіи очень слабо.

Спектакль этотъ невольно напрашивался на сравненіе съ постановкой той же пьесы на сценѣ Тифлискаго артистическаго общества, гдѣ любители сумѣли дать яркіе образы и Скалозуба, и Загорѣцкаго, и всѣхъ князей, княгини и княжентъ.

Даже Аполлонскій—Чапкій былъ слишкомъ сухъ и скученъ. Вообще, недостатокъ искренности и задумчивости,—общее свойство игры г. Аполлонскаго.

Гастрельные спектакли посѣщались нашей публикой нельзя сказать, чтобы очень усердно. Сборы были все время средніе. Только первый спектакль «Ревизоръ» далъ почти полный сборъ и «Новый мѣръ» далъ два переполненныхъ сбора. Послѣдняя пьеса представляла для тифлисцевъ двойной интересъ: во-первыхъ новая пьеса, усердно рекламированная въ афишахъ, во-вторыхъ весьма хотѣлось посмотрѣть какъ г. Давыдовъ будетъ играть Перона. Ожиданія публики не оправдались. Пьеса оказалась шаблонной мелодрамой; поставлена она была далеко не тщательно, и въ добавокъ г. Давыдовъ, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, не справился въ роли Перона, и былъ болѣе смѣшонъ, нежели ужасенъ. Г. Аполлонскій былъ хорошъ въ роли Марка.

Изъ Тифлиса г. Давыдовъ намѣренъ захватить въ Боржомъ.

Пенскъ.

ХЕРСОНЪ. Зимній сезонъ 1899—900 г. Антреприза М. И. Капприна (2-ой сезонъ). Составъ труппы: г-жи Смирнова (героиня), Казина (инж.-драм.), Караванова (инж.-др.), Незлобинъ (гран. ком.), Горская (1-я др. и ком. стар.), Лорина (водев.), Федорова (грандъ-дамъ), Вѣровская (2-я старуха), Волжская, Шлыкова и Вѣрина (2-я и 3-и роли), И. И. Судьбининъ (герой и бытовая любовникъ, премьеръ Литер. арт. Кружка), Ростовъ (любов.), Раковскій (1-й комикъ), Флоровскій (комикъ-простакъ), Колесовъ (ком.-резоонеръ), В. Петина (jeune-son.), Баяновъ (резоонеръ), Камскій (2-ой комикъ), Вельдеманъ, Соловьевъ, Корсаковъ (2-я и 3-и роли), Барановичъ П (суперъ), Долиновъ (помощникъ режиссера), Вельдеманъ (декораторъ).

ТОМСКЪ. Намъ присланъ составъ оперной и опереточной труппы Н. А. Корсакова въ Томскѣ. Г-жи М. И. Де-Манья, А. А. Картавина, С. Д. Сара-Сабина, Ю. Ф. Строгова, Н. А. Недла-Вѣрина, Е. Я. Снѣгурская, А. А. Волина, А. В. Самарова, А. Н. Стефано, Ф. И. Калиновская, Е. М. Дунаева, Ж. М. Дороднова, М. И. Свиригина и Б. М. Пуричъ. Гг. А. А. Сербряковъ, Ф. К. Дунаевъ, М. Г. Рышковъ, А. М. Александровъ, А. П. Петровъ, В. И. Звягинцевъ, Л. А. Сѣверовъ, Л. М. Любовь, Н. Н. Новскій, Г. Н. Васильевъ, Н. И. Кудринъ, М. И. Скворцовъ, А. Я. Свиригинъ, Я. Е. Щербакъ. Главнй капелмейстеръ И. И. Балакшинъ-Карскій, 2-й капелмейстеръ и хормейстеръ И. Г. Тиммъ, суперъ Л. П. Розановъ, режиссеры: оперы—Г. Н. Васильевъ, оперетты—А. Я. Свиригинъ, драмы—Н. А. Вѣлозерскій. Главнй режиссеръ Н. А. Корсаковъ. Хоръ мужской и женскій изъ 25 человекъ.

Цензурованные экземпляры пьесы «Зазна», въ переводѣ Э. Латернера, контора редакціи высылать по первому требованію. Цѣна цензурованного экземпляра 5 руб., нецензурованного—2 руб.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ ДЛЯ КОЛОСЪ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Уничтожаетъ перхоть и приятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ, красвыми чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская ул., № 2.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ и ПРОДАЮТСЯ

въ театральной библіотекѣ ВОЛКОВА-СЕМЕНОВА

СПб., Троицкая ул., 10.

НОВЫЯ ПЬЕСЫ

С. А. Трефилова.

ДЕНЬГИ, драма въ 4-хъ дѣйств. (пьеса и комплектъ ролей 1 р.)

Счастье, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

Баловни судьбы, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

Наши изобрѣтатели, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

Изъ когтей нужды, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

Подъ властью страстей, вод. въ 1 дѣйствіи.

Цѣна каждой пьесы съ компл. ролей 50 коп.

Всѣ пьесы исполнены на сценахъ С.-Петербургскихъ театровъ съ успѣхомъ. № 246 (6—2)

Все необходимое для гг. артистовъ!

Усовершенствованныя и безвредныя гримировки: румяна, бѣлыя, карандаши и тушь для бровей, замазки для париковъ и проч.

Громадный выборъ парфюмерій лучшихъ заграничныхъ фабрикъ

Высылается по первому требованію

Аптекарскій складъ Э. Ф. ВОЛДАНСКАГО

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., № 22. № 234 (1—1)

Вышло въ свѣтъ роскошное иллюстрированное изданіе

„Наши артистки“.

Вып. 1-й

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКАЯ.

Критическій этюдъ Ю. Д. БЪЛЛЕВА.

Цѣна 1 руб.

Изд. СПб. Т-ва печ и изд. дѣла «Трудъ» Складъ изданія: СПб. Фонтанка, 86.

Получать можно во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и въ редакціи журнала «Театръ и Искусство».

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ГРАФЪ де-РИЗООРЪ

(PATRIE)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. Ѳ. Арбенина. (Пьеса безусловно разрѣшена къ представленію).

Иллюстрированное изданіе журнала «Театръ и Искусство», съ портретами исполнителей и рисунками съ декораций при постановкѣ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Редакція «Театръ и Искусство», СПб. Моховая, 45.

МУЗЫКАЛЬНО - ДРАМАТИЧЕСКІЕ

Утвержденные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

КУРСЫ РАПГОФЪ

Основанные въ 1882 г.

СПБургъ, Малая Морская, № 7.

П Ъ Н І Е:

Г-жа О. Н. Нардуччи (Хомутова).
Г-жа Д. Н. Мирская.
Г-жа А. Р. Дюффергъ (Нюманъ).
Г-нъ Р. Ф. Пуволь-Норди.

СК Р И П К А:

Г-нъ С. П. Коргуевъ.

В И О Л О Н Ч Е Л Ъ:

Г-нъ А. И. Судовскій.

И С Т О Р І Я М У З Ы К И:

Г-нъ П. А. Перелецкій.

Э С Т Е Т И К А и И С Т О Р І Я

И С К У С С Т В Ъ:

Г-нъ П. А. Перелецкій.

Х О Р О В О Й К Л А С С Ъ Д Л Я

В З Р О С Л Ъ Х ъ:

Г-нъ К. К. Фонтъ-Бахъ.

Ф О Р Т Е П И А Н О:

Г-нъ Е. П. Рапгофъ.
Г. А. К. Фонтъ-Дрейеръ.
Г-нъ А. И. Полетика.
" П. П. Фоссъ.
" П. П. Юргенъ.
" А. А. Винклеръ.
" А. Г. Гинкенъ.
" А. П. Мясофдовъ.
Г-жа В. В. Ярмушъ.
" Е. А. Горячева.
" Е. Ф. Блюмъ.
" О. Я. Туркина.
" Е. Г. Герунгъ.
" Е. А. Башкова.
" Н. В. Лейшке.
" С. Г. Моллеръ.
" О. А. Рывина.
М Е Т О Д И К А Ф О Р Т Е П . И Г Р Ы .
Г-нъ Е. П. Рапгофъ.

Д Р А М А Т И Ч . И С К У С С Т В О:

Арг. Имп. театровъ
Г-нъ В. И. Петровъ.
М И М И К А и Т А Н Ц Ы :
Г-нъ П. К. Карсавианъ.
Г Р И М И Р О В К А :
Г-нъ А. К. Воскресенскій.
Т Е О Р І Я и С О Л Ь Ф Е Д Ж І О :
Г-нъ К. К. Фонтъ-Бахъ, К. П. Степановъ.
Т Е О Р І Я и Д Ѣ Т С К . Х О Р . И Л .
Г-нъ П. Фонтъ-Моссинъ.
Musique d'ensemble.
Г-нъ Е. П. Рапгофъ.
Г-нъ К. К. Фонтъ-Бахъ.
О Б Я З А Т . И Л . Ф О Р Т Е П . :
Г-нъ П. Фонтъ-Моссинъ.
И Т А Л Ъ Я Н С К І Й Я З . :
Г-жа Лаваньо-Кампелла.

П р і е м ъ в н о в ъ п о с т у п а ю щ и х ъ .

Съ 24 августа ежедневно отъ 1—2 ч. дня и отъ 6—7 ч. вечера. Молесенъ 30-го августа въ 1 ч. дня. Начало занятій 2-го сентября.

Принимая во вниманіе ограниченное количество времени учащейся молодежи, дирекція курсовъ наша возможнымъ въ нынѣшнемъ сезонѣ увеличить составъ преподавателей для занятій по спеціальному клас. фортеп. на дому у учащихся. Подробныя программы высылаются и выдаются бесплатно. Цисѣмъ заявл. о поступ. прос. адрес. на имя Директора „Курсовъ“ ЕВГ. ПАВЛ. РАПГОФЪ.

№ 240 (2—2).

Театръ и садъ „АРКАДІЯ“

Лѣтній сезонъ 1899 г.

Въ театрѣ рус. опера

Товарищество русскихъ оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ **М. К. Максакова.**

Въ воскресенье, 22-го августа – въ посл. разъ „**БАРМЕНЪ**“. Понедѣльникъ, 23-го – бенефисъ **Н. А. Папаянъ**
„ПИКОВАЯ ДАМА“.

Въ непродолжительномъ времени бенефисъ г-жи **Тамаровой.**Капельмейстеръ **ПАГАНИ.** Режиссеры: **БѢЛЬСКІЙ** и **КРАВЕЦКІЙ.**

Цѣны общедоступныя. Взявшіе билеты въ закрытый театръ за входъ въ садъ ничего не платяты. Билеты продаются въ цвѣточномъ магазинѣ Фрейндлихъ, Невскій, 34, отъ 12 до 5 ч. дня. Начало спектаклей ровно въ 8¼ час. вечера. Окончаніе въ 12 час. ночи.

ВЪ САДУ: труппа „Фарсъ“ исполн. нѣсколько смѣхотворн. вѣщницъ. Сегодня дебюты: неаполит. музык. труппы сем. г-на **Сирени**, танцора эксцентрика негра **Г. Готина**; извѣстнаго нѣмецкаго комическаго пѣвца, имитатора композиторовъ **г. Циммермана**; братьевъ **Альфредо** (исполняющихъ Олимпійскія игры); сестеръ **Дельма**, венгерскихъ національных танцовщицъ; замѣчательнаго велосипедиста **г. Раббонъ**; извѣстнаго имитатора женскихъ голосовъ и звукоподражателя **г. Надирянцъ**; извѣстнаго виртуоза на цимбалъ-роллѣ **г. Лина Стефанеско**. Трансформаторъ **г. Баралль** интернаціональный дуэтъ **гг. Поль и Виринія**. Куллетистъ **г. Пушкинъ**. Гимнастки на трапеціяхъ сестры **Франлинъ**. Парижскіе уличные музыканты (тріо) **гг. Мистрельсъ**. Феноменальная женщина геркулесъ **Эльвира Самсоны**. Сестры **Аматони**. Балетная концертная труппа эксцентриковъ **гг. Верони Вестъ**. Эквилибристъ на эйфелевой башнѣ **г. Липинскій**. Лирическая пѣвица **Минина**. Два отдѣловія дивертисмента. Два оркестра музыки. Бальвий оркестръ **г. Шольцъ**. По приглашенію поетъ хоръ цыганъ **Н. Шишина**. Цѣна за входъ въ садъ **40 к.** Абонементныя книжки 10 билетовъ **2 р.** Дирекція: **Д. А. ПОЛЯКОВЪ.**

Театръ и садъ **П. В. ТУМПАКОВА.**

(Фонтанка, у Измайловскаго моста).

Драма и комедія подъ управл. **Я. В. Самарина.**

РЕПЕРТУАРЪ съ 22-го по 27-е августа.

22-го августа, воскресенье:

„**ЦЫГАНКА ЗАНДА**“

(Свадьба въ Валони).

Драма въ 4-хъ дѣйств.

23-го августа, понедѣльникъ:

Бенефисъ изв. муз. клоун. **Бимъ-Бомъ.**„**ДОМАШНІЙ СТОЛЬ**“фарсъ въ 3 д. **С. И. Мясническаго.**

24-го августа, вторникъ:

„**ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА**“др. въ 4 д. соч. **Писемскаго.**

25-го августа, среда:

Бенефисъ помощ. реж. **П. З. Филимонова.**„**СЫНЪ ИЗМѢННИКА И МАЧИХА**“др. въ 5 д. соч. **Бальзака**, пер. **И. Щеглова.**

26-го августа, четвергъ:

„**ДОМАШНІЙ СТОЛЬ**“фарсъ въ 3 д. **С. И. Мясническаго.**

27-го августа, пятница:

Бенефисъ изв. рус. пѣв. г-жи **Барвинской.**

БОЛЬШОЙ РАЗНООБРАЗНЫЙ ДИВЕРТИСМЕНТЬ.

Изн. музык. эквилибристъ жонгл. **гг. Видалъ**. Изн. дрес. ссбакъ **М-ss Ида**. Изн. русск. пѣвица г-жа **Барвинская**. Изн. русск. канатоходецъ **Ф. Молодцовъ**. Венгерская пѣвица г-жа **Маргитъ-Ильная**. Купл. **г. Войцеховскій**. Изн. муз. клоуны **гг. Бимъ-Бомъ**. Музык. виртуозъ **г. Санъ-Дикъ**. Цыг. труппа **Болнониной**. Малор. труппа **Сооловой**. Квнт. **Г. Вилингеръ**. Квартетъ **Сафо**. Больш. рус. хоръ пѣвицъ и пѣвц. Солоистики г-жа **Евгеньева** и исполнит. цыганск. романсовъ г-жа **Бычкова**. 1-й Русскій Дамскій оркестръ **И. М. Паршинъ-Градова.**

Оркестръ военной музыки **Л.-Гв. Измайловскаго полка** подъ управленіемъ капельмейстера **Г. ШТѢЙНСЪ.**

Лѣтній театръ и садъ **В. А. НЕМЕТТИ.**

39. Офицерская, 39.

Дирекція **П. В. Тумпакова.**

Ежедневныя представленія: оперетка, балетъ и дивертисментъ.

Гастроли знаменитой

АННЫ ЖЮДИКЪ.

Дивертисментъ съ участ. балетн. труппы подъ упр. **Дж. Саранно**. при участ. прима балеринъ **assoluto Энрино Варази**, **Бянна Джелато**, 1-го танцора **Бенефи**, бал **Шефель**, **Малютиной** и **кордебалета**. Дуэтисты **Бовіо**. Г-жа **Ридль**.
 Главный режиссеръ **В. ЧАРОВЪ**. Капельмейстеры **А. А. ТОНИ** и **А. К. ПАУЛИ**.

Нач. музыки въ саду въ 7 час. Нач. спектакля въ 8 час.

Касса открыта ежедневно отъ 11 час. утра.

Цѣна за входъ въ садъ **40 к.** Абонементныя книжки въ 20 билетовъ **5 р.**, 10 билетовъ **2 р. 50 к.** Взявшіе билеты на мѣсто передъ лѣтней стеной за входъ въ садъ ничего не платяты. Контромарки при выходѣ изъ сада не выдаются.

Въ конторѣ журнала
„Театръ и Искусство“
 ПРОДАЕТСЯ СВОРНИКЪ
Комедій и фарсовъ
А. ф. Крюковскаго.

«Коккоша и Тотота», «Денежные тузы»,
 «Сынъ на прокатъ», «Ритта», «Передъ
 завтракомъ», «Замороженная теща», «Хле-
 стаковъ на водахъ».

Цѣна **3 р.**

Выписывающіе изъ конторы за пересылку не платяты.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Генрихъ Устиновичъ АСМУСЪ.

Спеціальность вставленія искусствен-
 ныхъ зубовъ

Пріемъ отъ 9 до 6 час. веч.

*Невскій пр., д. № 74, кв. № 7,
 прот. Троицкой улицы.*